С.В.КОЗЛОВ

Семантические аспекты "образа автора" в ораторской прозе Кирилла Туровского.

Настоящая статья посвящена изучению семантики "образа автора" в произведениях Кирилла Туровского. Анализ проведен с использованием материала космологических описаний, имевших важное значение в построении средневекового "образа мира". Принято во внимание, что взаимодействие "образа автора" и "образа мира" определяет всё главное в идейно-художественной структуре произведений (ЛЭС,с.295-296).

Космологическая образность относится к поэтической топике древнерусской литературы (см. Приложение). Система символико-аллегорических топосов Древней Руси складывалась на основе прочтения и истолкования текстов Священного писания, усвоения традиций византийской и южнославянской книжности (прежде всего экзегетики, ораторской прозы и гимнографии). На этой базе вырабатывались устойчивые представления, закрепленные в определенных художественных образах, литературных формулах. Стилистическая топика Средневековья строилась на фундаменте определенных, "стандартных" отношений между образами и понятиями, между предметно-образным и семантическим уровнями символики древнерусской письменности.

При описании семантических аспектов, связанных с "образом автора" в сочинениях Кирилла Туровского следует учитывать следующее обстоятельство. В силу традиционности, подчиненности "эстетике установленного", "образ автора" в произведениях древнерусской литературы выступал в над-индивидуальном, имперсональном качестве (был "сильно окрашен во внеличные тона") и постулировался в исполнении обязательных функций, был "слит" с ними, закреплен за определенными "ролями". Семантика "образа автора" изменялась, модифицировалась в зависимости от жанровых установок текста или его фрагмента (догматических, дидактических, апологетических, экзегетико-историософских, празднично-панегирических), от типа риторического изложения (повествование, рассуждение, описание, лирико-драматические уровни стилистики "слова"), от бытования в той или иной композиционной

части ораторского сочинения (вступление, основная часть, заключение) [1]. Между отмеченными типами риторического изложения, жанрово-функциональными разновидностями ораторской прозы и определенными аспектами семантики "образа автора" просматривается известное соответствие.

Разбор космологической образности "слов", "поучений" и "молитвословий" Кирилла Туровского, проведенный на фоне описаний природы средневековых произведений традиционного содержания, ораторской прозы, экзегетики и гимнографии, позволяет выделить следующие семантические планы "образа автора": автор-повествователь, автор-догматик, автор-дидакт, автор-апологет, автор-историософ (экзегет), автор-описатель "събoрного" торжества и автор-панегирист. Эти авторские "роли" опираются на стилистику повествования ("гомилийная" основа текста), рассуждения (логико-риторические сегменты текста), описания (символико-аллегорические картины) и на лирико-драматизирующую стихию эпидейктического "слова".

Особенностью риторической речи Кирилла Туровского являлось существенное ослабление сюжетно-повествовательного начала. Текст распадался на ряд риторических тирад (периодов) [2]. Это следствие того, что составляющие композиционного уровня (логико-риторические, лирико-риторические и празднично-панегирические компоненты) как бы вступали в противоборство с сюжетно-повествовательной основой изложения, "размывали" её.

С логико-риторической стилистикой ("рассуждение" - доказательство, аргументация, убеждение) в целом соотносятся такие семантические аспекты "образа автора", как догматический, дидактический, полемико-апологетический и историософско-экзегетический.

"Автор-догматик" стремился обосновать фундаментальные философско-догматические идеи, "натурфилософски" показать сокровенную целесообразность ("премудрость"), "великолепие" и "благоустроенность" миропорядка. В этих целях он использовал тирады риторико-догматического характера: дефиниции о "первопричине", антиномические, вопросно-ответные или катехитические конструкции и т.д..

"Автор-дидакт" ставил перед собой задачу нравственного наставления "паствы". Риторико-дидактические тирады насыщались звательными формами имен существительных, императивными формами глаголов, синтаксическими конструкциями, оформлявшими моралистические призывы, увещевания и обращения.

"Автор-апологет" опровергал "лжемудрствования" идейных противников, вступал в полемику (в духовную "брань") со "врагами истины". Риторические тирады апологетико-полемического характера создавались на основе логики "прения", обличения и дискредитации с использованием экспрессивного синтаксиса, риторических вопросов и восклицаний, уничижительных сравнений и эпитетов.

"Автор-историософ" ("автор-экзегет") рассказывал о смысле празднуемых событий, обрисовывал их на фоне всемирной истории. М.Н.Сперанский отмечал, что "слова" Кирилла Туровского представляют по форме большей частью одну схему. Это – "изложение события праздника, которому посвящено "слово", сопровождаемое толкованием" (Сперанский 1920,с.309). Тирады историко-экзегетического содержания строились по принципу символического параллелизма Ветхого и Нового заветов и представляли собой комментарий, толкование. В них использовался синтаксис сложноподчиненного предложения с изъяснительной и причинно-следственной семантикой.

В произведениях торжественного красноречия проявлялись и реализовывались прежде всего празднично-церемониальный и панегирический аспекты "образа автора".

"Автор-описатель "съборного" торжества" стремился создать у читателя-слушателя ощущение его со-участия во вселенском празднестве, его со-причастности ко всеобщему праздничному "действу". Для создания образа духовного "събора" в ораторской прозе Кирилла Туровского нередко использовались описания космологического типа ("символические картины"), дополняемые образами церемониально-драматизированного "възыграния" мира [3].

"Автор-панегирист" воздавал хвалу, славословие празднуемому событию и его героям, вовлекал читателя-слушателя в "съборную" похвалу и молитвословие. О лирико-патетическом (близком к гимнографии) складе "энкомиев" Кирилла Туровского писали

многие ученые прошлого, называя его "проповедником-поэтом", "ритором-гимнологом" и т.д. (Вадковский 1892,с.354; Пономарев 1894,с.109,123).

Доминирование "автора-панегириста" (лирико-патетической стихии) в торжественном красноречии делало похвально-риторические тирады основой изложения. Торжественные "слова" Кирилла Туровского были своего рода "ансамблевыми", "обобщающими" образованиями - они интегрировали ("съчленяли"), вбирали в себя конструктивные типы тирад, свойственные "учительным" поджанрам ораторской прозы. Попадая в произведения эпидейктической прозы, структурные элементы догматического, дидактического, апологетико-полемического и историософско-экзегетического поджанров ораторской прозы отчасти теряли изначально присущие им жанрово-стилистические признаки, получали художественную разработку с использованием амплификации, ритмико-синтаксического параллелизма, риторических обращений и восклицаний.[4]

Догматико-учительный план семантики "образа автора"[5] был связан с общими мировоззренческими установками средневеково-христианской культуры и выводил на натурфилософско-теологическую, натурфилософско-эстетическую и антропоцентристскую проблематику.

Натурфилософско-теологическая семантика средневековых описаний природы и творчество Кирилла Туровского. В средневековой литературе природа, пейзаж как предмет индивидуально-авторского осмысления отсутствует. Эстетическую значимость мир природы обретал только в контексте креационных идей. Для Средневековья природа "имеет значение не сама по себе, а по отношению к Творцу" (Бизе 1890-1891,с.12-14), который "протягох небо един и утвръдих землю" (Иса.44,24.-ТПр.,л.179об; ср.: Иса.42, 28.-ТПр.,л.173). С точки зрения древнерусского "труженика слова" природа - это "своего рода мастерская, где главными деятелями выступают высшие сверхприродные и сверхисторические силы" (Прокофьев 1976,с.232; см.также: Прокофьев 1975,с.18).

Во вступлении к "Слову о расслабленном" Кирилл Туровский обращается к теме грандиозности космоса, к теме "неисследимого" величия "вышняго" творческого разума, вызывающих, с одной

стороны, изумление, трепет, "принеможение духовное" (ТПсФеод., XIв.,л.132; ср.: Сирах.18,6) и, с другой стороны, восхищение, потребность прославления, "хвалословия": "НЕИЗМЕРЬНА НЕБЕСНАЯ ВЫСОТА, НИ ИСПЫТАНА ПРЕИСПОДНЯЯ ГЛУБИНА, НИЖЕ СВЕДОМО БОЖИЯ СМОТРЕНИЯ ТАИНЬСТВО; ВЕЛИКА БО И НЕИЗДРЕЧЕНЬНА МИЛОСТЬ ЕГО НА РОДЕ ЧЕЛОВЕЧЬСТЕМЬ, ЕЮ ЖЕ ПОМИЛОВАНИ БЫХОМ. ТОГО РАДИ ДОЛЖЬНИ ЕСМЫ, БРАТИЕ, ХВАЛИТИ И ПЕТИ И ПРОСЛАВЛЯТИ ГОСПОДА... ИСПОВЕДАЮЩЕ ВЕЛИКАЯ ЕГО ЧУДЕСА, ЕЛИКО ЖЕ ИХ СОТВОРИ: НЕИСПОВЕДИМА БО СУТЬ НИ АНГЕЛОМ, НИ ЧЕЛОВЕКОМ" (ТОДРЛ,ХУ,331). Это обычный для ораторской прозы тип вступления, построенного по схеме: утверждение величия избранной для "слова" темы; авторское самоуничижение, признание своей немощи в достойном изложении темы; мотив необходимости ("долга", "при-звания") обращения к данной теме [6] ("того ради должьни есмы, братие, хвалити и пети и прославляти...").

Посвятивший себя размышлениям о премудрости "вышьняго строения" древнерусский автор оказывался в противоречивой ситуации. С одной стороны, он не мог не признать силы человеческого разума ("умь человечьск въскоре объходить вьсу землю, небесьная и подъземельная" - Изб.1073,л.132), с другой стороны, для средневекового "любомудрия" мир, бытие - это чудо, тайна, которую ум человеческий "сам собою постичь не может" (ср.: "выше себе вышиихь не пытаи и глубиных не исследуемь" - Палея XIУв.- Срезн.I,520). Процесс познания рассматривался как дар "неиздреченной милости" - как от-кровение со-кровенной пре-мудрости, как получение информации, исходящей из трансцендентного источника "истины". Свои литературные труды древнерусский "муж разумный" основывал на представлении о причастности к "совершенному ведению" (Кол.I,9; Сирах.23,29), на убеждении, что благодаря этой причастности писатель раскрывает свои творческие возможности, силу мысли (Панченко 1976,с.35).

Авторы эпидейктических сочинений нередко предваряли свои "слова" космологическими "эскизами", как бы испытывая необходимость в самом начале изложения окинуть взглядом всю землю, всё мироздание (Лихачев 1978а, с.42). Во вступлениях к ораторским "словам" мысль ритора "обилия пучины бо минуеть, небеса проходить... звездьная пошьствия и растояния и меры размышляеть"

(Изб.1073,л.134). Например, в предисловии к "Слову в великую неделю" Иоанна Златоуста говорилось: "Велика убо тварь небо... Див творит умь земля висящи повелениемь на водах, а тяжка еще (вар.: вещь) сущи. Что же кто речет, море простерто видя и пескомь связано: вся убо добра рече и зело добра творча мудрость художьствене" (Торж.,420об; см.также: "Слово о расслабленном" ИЗл.-Усп.,250б - ПГ,т.60,кол.763; "Слово в великий четверток" ИЗл. - Усп.,203б и др.).

Во вступлении к "Слову о расслабленном" Кирилл Туровский делает пространственные символы "высоты" и "глубины" обозначением "промышления" ("несведомого таинства смотрения"). В этом он следует стилистической традиции, восходящей к текстам традиционного содержания. (Ср.: "Сътворшаго небо и землю и вся, яже в них... сего премудрость не испытана" - Пс.145,6.-ТПсФеод. № 331,л.255об; "къто измеривъи рукою воду и небо пядию, и вьсу землю гръстию? Къто поставлии горы в меру и поля и поляны?" - Иса.40,12.-ГБ XIв.,209г; ср.: Иов.28,12-28; Иов.29-41; Пс.39,6; 138,6-18; 144,3; 146,5; Прем.1,7; Сирах.1,2,3,6; 11,4; 16,21; 18,1-6; 23,29; 24,30-31; 39,21-31; 39,21-22; 42,17-23; 43,34-35; Иса.40,4-28; 41,1-5; 44,24; 55,8-11 и др.. См. также: "Кто възиде на небеса... кто ли сълезе в бездьну?" - Рим.10, 6-7. - "Слово на вознесение" Кирилла Туровского - ТОДРЛ,ХУ, 342; "зело глубока помышленья твоя, дела бо рече твоя велья и чюдна, мудрость твоя велья неподвижиму имать глубину; который бо ум доволен есть испытати твоего помышленья словеса?" - ТПсФеод.,№ 331,л.162; "оле глубина богатьства и премудрости и разума божия, яко неиспытаны судьбы его" - "Слово на явление чьстьнаго креста" ИЗл. - Усп.,89об).

Для иллюстрации отмеченных представлений писатели использовали и более распространенные космологические формулы. Например, Кирилл Туровский в одной из молитв сопроводил тему "творца тварем" образами: "земля ни на чем же держится, море песком оградися, путь рекам простреся, вода на воздухе висит, небо, яко лук, преклонися, солнце, не престаа, горит и луна с страхом сьяет, звезды хытростью текут... облаци маньемь носятся, тучи дождь проливают , ветри шюм творят, буря древа съкрушаеть, мгла землю повивает, роса в число падает, горы и пусты-

ни прозябают, възделанья растять, животные плодятся"(МСКТ, с.280–281).

Ощущение грандиозности, "неизмеримости" мироздания и малости человеческого разумения порождало риторико-гимнографические дефиниции о "конечном начале" всех вещей. Образы природы служили средством "космологического" доказательства мироздиждительной "первопричины" (см.: Аверинцев 1970,с.189–191; Раббот 1960,с.175–176; Майоров 1979,с.298–311). Логике "космологического" доказательства следует и Кирилл в "Слове о расслабленном", превращая образы сфер природы ("высоты" и "глубины") в художественные обозначения "съмотрения" (ср.: "высота неиздреченьна и глубина неизмерима есть владыка съмотрение твое" – Мин.XII-XIУвв.,янв.,л.26) и "великого и неизследимого милосердья" ("пучины человеколюбия", "пучины щедрот" – Кирилл Туровский.- МСКТ,с.333,249,256,257; ср.: ИЗл.,ПГ,т.56,кол.719; ИЗл.,ПГ, т.61,кол.141–142,923; см. также: Иов.11,5–9; 26,5–14; 38–41; Иса.40,12–28; Иер.23,24 и др.).

Натурфилософско-эстетическая семантика средневековых описаний природы и творчество Кирилла Туровского. Древнерусская концепция природы была насыщена эстетическим смыслом, во многом определялась взглядом на мир как на "художественное произведение" (Василий Великий 1911,с.14–21). "Космологическое доказательство" творческой первопричины мира часто приобретало выраженное "эстетическое" звучание. "Автор-догматик" понимал восприятие красоты природы как путь к познанию того, кто "видимая же и невидимая" сотворил и "украсил вьсякою красотою" (Усп.,102б–102в; Прем.13,3–5; ср.: Бицилли 1919,с.4; ФЭ I,323–324).

"Древнерусский человек понимал красоту как определенный порядок, он не мыслил себе прекрасного без "устроения уряженного и удивительного"", – отмечает В.В.Кусков (Кусков 1971, с. 65). Природа рассматривалась как "чин", "строй", "порядок". Для выражения идеи миро-порядка, совершенного устройства мира трудно найти лучшее средство, чем космологическая образность. Мысль о величественной упорядоченности и "на-ряд-ности" ("уряженности") космоса [7] выражалась в закрепленных за ней устойчивых стилистических формулах, выработанных в библейско-литера-

турной традиции. В качестве примера можно привести хорошо знакомую древнерусскому читателю-слушателю "Песнь трех отроков", которая построена как анафоро-эпифорически единообразное "хваловие" Творцу ("благословите Господа") с перечислением космологической символики: "небеса", "солнце", "месяц", "звезды", "дуси", "зима и вар", "облаци", "горы и хлъми", "все прозябаюштия на земли", "источници, реки и море", "все движуштияся в водах, реках и источниках", "птицы небесныю", "звери", "все скоти" и др. (Дан.I2,58-90.-ТПсАф.,Ягич,740-74I; см.также: Пс. I35; Пс.I48). На страницах средневековых ораторских произведений многократно встречаются стереотипные формульные описания, выражающие мысль о мудрой упорядоченности вселенной, набор образов которых очень близок картине весенней, праздничной природы "Слова на антипасху" Кирилла Туровского. Например, в "Слово на введение во храм" Тарасия Константинопольского включена тирада с обращением к "зиждителю", который "небо простривый яко кожю; иже солнце в просвещение дневи вчинивый, луну в озарение нощи с звездами сътворивый; иже облакомь въздух одожьвати повелевы и дыхание ветровь с'бираа; иже море обуздавый песком и сьи родомь рыб испльнивь; иже сущю родомь безъсловесных испльнивы, и зверей и птиць множство, и сия питаа хотениемь и велениемь; иже лицю земному прозябаай траву и всех древес вид удобривый" (Торж.,л.62об; ср.: "Небеса описукши, море плаваеши и пучины измеряеши... Провеща - и небо простреся, повеле - и твердь въдрузися, преста глаголя - и солнце восиа светя, восхоте точию - и лик звездамь без мущения восиа, твое слово землю водами связа... садовы раи украси, семен'ми удолиа испльни, горам величество к высоте возвыси, простре поля, скотом трапезу, источници - матери рекамь - раздели, рыбам... - глубину устрои" - Торж.,I06-I06об - "Слово на крещение" Иулиана Талийского; см.также: "Слово на воздвижение" Иоанна Златоуста - Торж.,л.23-23об).

Грандиозность и величавая стройность "тварного" мира вызывали у древнерусского "ветии доброгласия" не только недоуменное "принеможение", но и радостное из-умление. Мудрость мироустроения, всеобъемлющую гармонию должно "хвалити и пети и прославляти". (Вступительная тирада "Слова о расслабленном"

Кирилла Туровского разрабатывает оба мотива: "неизмерьна - ни испытана - ниже сведомо - неиздреченьна - неисповедима" и "хвалити - пети - прославляти" - ТОДРЛ,ХУ,331). Сочетание "неиздреченьности" и "похвалы" характерно не только для "слова" Кирилла, это "общее место" славяно-русской литературы "старшей поры" [8]. Например, Владимир Мономах в своем "Поучении" писал: "Никак же разум человеческ не можеть исповедати чюдес твоих", и здесь же: "Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и великых чюдес и доброт, устроенных на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена" (Изб.,с.150).

О красоте природы с использованием "космической" символики говорилось во многих произведениях, например, в знаменитом "Прилоге" к "Шестодневу" Василия Великого - Иоанна Экзарха Болгарского: "небо сольнцемь и звездами украшено, земля садом и дубравами и цветомь утворена" (Шест.,л.18с; ср.: "украси бог сълнцемь небо и месяцемь и звездами, и землю такожде украсил реками, источником препоясая цветци и сади, и море пескомь оградн" - Златостр.,л.2; "небо и земля и море и все видимое и невидимое състоиться и храниться в лепоту" - "Слово в великий четверток".- Усп.,203б; см.также: "Слово о св. Николае" Климента Охридского.- КО II,с.127,л.216-216об).

И "Прилог" Иоанна Экзарха Болгарского, и описание "весны" (аллегории духовного "обновления" варварских народов) в космологической символике "Слова на антипасху" Кирилла свидетельствовали о мажорно-оптимистической настроенности культуры раннефеодальных славянских государств (ИВЛ II,с.382), видевшей бытие как гармонично устроенное целое, исполненное красоты и великолепия.

Космологическая топика могла выступать в качестве "несущей конструкции" риторических тирад , и довольно значительных по объему фрагментов текста (таких, как в "Слове в неделю новую и о мученике Маманте" Григория Назианзина или в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского). На ней базируются обширные рассуждения натурфилософского содержания в ряде "бесед" и "поучений" Иоанна Златоуста ("О сокрушении" - ПГ,т.47,кол.418-419; "Против аномеев (2)" - ПГ,т.48,кол.713).

Тема "высоты и глубины", заявленная в предисловии к "Слову о расслабленном" Кирилла ("неизмерьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина" - ТОДРЛ,ХУ,331), вызывала у "книжного почитателя" ассоциации с образом-мифологемой "Премудрости" ("Софии") - "художницы" при "Слове зиждительном" (Прит.8,13). Значимость этого образа для искусства Древней Руси очевидна (Софийские соборы XI века в Киеве и Новгороде). Он заключал в себе идею художественной соразмерности космоса, мысль о сокровенной целесообразности созидательной деятельности ("хытрости") "Творца тварем" (см.: Аверинцев 1972,с.42-45; Брюсова 1977, с.292-306). В текстах традиционного содержания София-Премудрость постоянно соотносится с космологическими образами: "Премудростия основа земя, уготова небеса мудростия, в разуме его бездъны разъвръзошася" (Притч.3,19-20. - Парем.Григ.,15об,267), "внегда готовяше небо - с нимь беах, внегда же творяше крепкыи вышьняя, облакы подънебеснеи, внегда же полага ти морю устроиство... и крепка творяше основанья земли... и радуюся на всяк день пред лицемь его во всяко время" (Притч.8,27-30. - Парем.Григ.,л.124 об), премудрость "круг небесьныи обидох едина, и по глубине бездьныя поводих, и в круге морьстемь, и вьсея земля" (Сирах. 24,5-8. - Изб.1076,л.81об-82; ср.: Пс.32,6-7).

Поскольку семантика символико-космологической образности ("описаний природы") была многоаспектной, её "эстетический" план постоянно пересекался и совмещался и с натурфилософско-догматическим, и с другими содержательными планами (например, с "антропоцентристским" или с похвально-панегирическим).

"Антропоцентристский" аспект семантики космологической символики в творчестве Кирилла Туровского. Восхищению мудростью и красотой "строения" мира способствовало характерное для средневековых писателей убеждение в том, что "человек был изначала определен конечной целью мироздания" (Эйкен 1907,с.543). Он - "твари всей владыка" и "господин всей земли" (Кирилл Туровский.- МСКТ,с.233,349). Первые русские произведения "полны восторга перед мудростью мироустройства, но мироустройство не замкнуто в себе самом: природа служит человеку, она не враждебна ему и поэтому прекрасна", - пишет Д.С.Лихачев, касаясь вопроса о присущем литературе Киевской Руси антропоцентристском характе-

ре (Лихачев 1978а, с.70).

Вполне понятно, что такого рода антропоцентризм, по которому "бысть Адам царь всем зверям и птицам небесным" и ему "работает солнце и луна, и птици небесныя, и рыбы морския... и скот, и гади" (апокриф "Како сотвори бог Адама" - Архангельский 1888,с.167; см.также: "Беседа трех святителей".-Палея 1494. - Архангельский 1888,с.171; ИЭкз.,Богосл.,гл.21,л.160-164; ИЗл.,ПГ,т.49,кол.93), признавался только в связи с общими теоцентристскими установками древнерусской культуры. Человек занимал вполне определенное положение в мировой иерархии (Бицилли 1919,с.33-34), которая как бы отражала в себе иерархичность социальной жизни Средневековья (человек - вассал бога, природа - вассал человека).

Обозначив космологическую тему во вступлении к "Слову о расслабленном" (символика "небесной высоты" и "преисподней глубины"), Кирилл в данном "слове" обращается к ней еще раз - во фрагменте, развивающем мысль: "человек - владыка тварного мира". "ТОБЕ БО ВСЮ ТВАРЬ НА РАБОТУ СТВОРИХ, НЕБО И ЗЕМЛЯ ТОБЕ СЛУЖИТА: ОВО ВЛАГОЮ, А СИ ПЛОДОМЬ. ТЕБЕ РАДИ СОЛНЦЕ СВЕТОМЬ И ТЕПЛОТОЮ СЛУЖИТЬ, И ЛУНА СЪ ЗВЕЗДАМИ НОЩЬ ОБЕЛЯЕТЬ. ТЕБЕ ДЕЛЯ ОБЛАЦИ ДЪЖДЬМЬ ЗЕМЛЮ НАПАЯЮТЬ, И ЗЕМЛЯ ВСЯКУ ТРАВУ СЕМЕНИТУ И ДРЕВА ПЛОДОВИТАЯ НА ТВОЮ СЛУЖЬБУ ВЪЗДРАЩАЕТЬ. ТЕБЕ РАДИ РЕКЫ РЫБЫ НОСЯТЬ, И ПУСТЫНИ ЗВЕРИ ПИТАЕТЬ" (ТОДРЛ,XУ,333; ср. с темой владения человека "ВСЕМИ ЗЕМНЫМИ, ЖИВОТНЫМИ, МОРЕМ ЖЕ И В НЕМЬ СУЩЕЮ ТВАРЬЮ" в "Притче о человеческой душе и телеси" Кирилла Туровского. - ТОДРЛ,XII,343).

Тема центрального положения человека в мире природы сходным образом представлена в "Шестодневе" Иоанна Экзарха Болгарского: "Кого деля се есть: небо сольнцемь и звездами украшено? Кого ли ради и земля садом и дубравами и цветомь утворена и горами увяста? Кого ли деля и море, и рекы, и вся воды рыбами испълнены?" (Шест.,1а-1с). Однако при построении картины природы в "Слове о расслабленном" Кирилл ориентировался не столько на этот "великолепный гимн миру и его красоте" древнеболгарского автора (ИВЛ II,с.382), сколько на книжную традицию такого рода описаний в целом. Сходные по структуре риторические пассажи не раз встречаются в славяно-русских рукописях, например, в "Успенском сборнике": "Тъ бо дал есть солнце и луну, украшены

лик звездьныи основа, въздух протягну, землю напъл'ни, море о'гради, горы и дубравы, хълъмы, источьникы, вапы и рекы несъведьныя, роды садовьныя и ино вьсе" ("Слово о 10 девах" Иоанна Златоуста. - Усп.,187б-187в); "Бысть бо небо на славу Богу, на потребу же нам: да солнце светить нам, и луна, и вься звезды... солнце да человекы освещаеть, облаци на дъждевьное служение, земля на плодовьное гобиньство, море же на обилие купьцемъ - вьсе тебе человеку служить" ("Слово в великий четверток" Иоанна Златоуста. - Усп.,204а-204б); "Словъмь сътвори небеса, солнце и луну, звезды яже ищьте, основа великую стену земли, повеле водам тещи на службу нашю, дасть же и древа различьная: она на сънедь, а другая делу подобьна, сътворь же вся четвьрьногая, гады, пътица, съдела же человека... его же постави господина вьсему, покорив ему вся мирьска" ("Мучение Иринии". - Усп.,70г-71а). В сборнике ораторской прозы ГБЛ (ф.304. Сб.Троиц.№ 9. ХУв.) помещена анонимная "похвала" Николаю Мирликийскому, содержащая образность отмеченного типа (так же, как и в предыдущих случаях, связанная интонацией перечисления): "Тебе ради звездами небо украси. Тебе ради солнце постави. Тебе ради небо украси, тебе ради луну и звезды сътвори на просвещение твое.Тебе ради постави времена и месяци, и дни, и часы. Тебе ради море и рекы и источники излия. Тебе ради звери и пътица и вся четвероногая сътвори" (л.216-216об). Аналогичные формульные описания имеются также в тексте "Похвалы Захарии" Климента Охридского (КО I,с.184,л.322-322б), в анонимном поучении "О постах" (ПДРЦУЛ IУ,с.60-61) и мн.др..

Широкая употребляемость образных структур космологического характера в связи с "антропоцентрической" темой объясняется их бытованием в текстах, постоянно употреблявшихся в практике храмовых чтений: "Сътвори человека... да обладаеть рыбами морьскими и п'тицами небесными, и скоти, и всякою землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли... Се дах вам всяку траву семенну сеюща семя, еже есть връху земля всеа, и всяко древо, еже имать в себе плод... вамь будеть в снедь, и всем зверем земным и всемь птицам небесным и всякому гаду пресмыкающемуся, еже имать в себе душю животну, и всяку траву землену в снедь" (Быт.I,26-30.-Тр.Постн.ХУIв.,л.116-116об; ср.: Парем.Григ.,л.18(22). - Брандт,с.97-98); "Яко узрю небеса - дело перст твоих, луну и

звезды, яже ты основал еси, – что есть человек, яко помниши его... И поставил еси его над делы руку твоею, и вся покорил под ногама его: овца и уноту всю, еще же и скоты польскыа и птица небесныа, и рыбы морьскыа и преходящаа пути морьскыа" (Пс.8,4-9.-ТПсФеод.,№ 331,л.13; ср.: Изб.1073,л.131; см.также: Быт.2,19-20; Втор.33,13-16; Пс.17; 18; 21; 23; 28; 32; 45; 68; 71; 73; 84; 94; 95; 97; 103; 106; 135; 148). Такого рода стилистические трафареты были освоены византийской литературой, а затем переданы славянским литературам. Множество "космологических" тирад, заключавших в себе "вполне эгоцентрический взгляд" человека на вселенную (Аничков 1914,с.114-115), вошло в составе греко-византийских сочинений в круг чтения Киевской Руси. Так, в переводном "Слове о блудном сыне" Иоанна Златоуста "антропоцентристская" тема оформлена в риторической тираде, состоящей из более двух десятков колонов: "Небо твое, солнце – твое, луна – служител'ница твоа, звезды – светила твоа, въздух – питатель твои и яже на въздусе – твоа, земля и яже на неи – твоа, море – твое, весь мир – твои" и т.д. (Торж.,299об. - ИЗл.,ПГ, т.59,кол.521; см.также: ИЗл.,ПГ,т.47-48,кол.418-419,798,956, 1011; т.49,кол.43,93-94,114,299; т.61,кол.787 и др.).[9]

Идея космоса,устроенного для человека, – одна из составляющих сложного идейно-художественного сплава, созданного Кириллом Туровским в "Слове на антипасху".

Нравственно-учительный аспект семантики "образа автора" в связи с космологическими описаниями. По слову А.Бизе, средневековые панегирики природе и натурфилософские рассуждения обычно дополнялись "применением образов её к нравственным идеям" (Бизе 1890-1891,с.34). Мир природы с точки зрения древнерусского "мужа разумного" заключал в себе высокий назидательный, социально-этический смысл [10]. Природа рассматривалась как образец послушания для человека (Бизе 1890-1891,с.32), как пример точного следования заповедям (ИЗл.,ПГ,т.49,кол.112). Законо-послушание стихий – своеобразный нравственный императив (Аверинцев 1977,с.84-108). Космологический "пейзаж" превращался в "притчу и аллегорию о желательности порядка человеческого, общественного" (Аверинцев 1977,с.87). "Творец создал всю тварь "на работу" человеку. Тварь должна служить. Она не сама по себе.

Этим она подчиняется воле Творца. Никогда не выходит она из его воли. Она послушнее человека. Завися всецело от своего Творца, тварь, таким образом, лишь отражение его. Оттого человек должен думать о Творце только, угождать только ему и тогда благо ему будет, и на всякое благо послужит ему тварь" (Аничков 1914,с.114-115).

Для ораторской прозы традиционным было обращение к читателю-слушателю с увещеванием и наставлением, примыкающим к картинам мироздания. "Автор-дидакт" предлагал "пастве" подумать над тем, что необходимо человеку для достижения нравственного совершенства, предлагал принять для себя в качестве высших духовных ценностей смирение, покаяние и пр.[11] Так, в "Слове о 10 девах" Иоанна Златоуста после космологического описания развивается мысль о необходимости покаяния (Усп.,л.187б-187г; см.также: Усп.,203б-204г; ИЗл.,ПГ,т.49,кол.299; ИЗл.,ПГ,т.56, кол.265-266; ИЗл.,ПГ,т.61,кол.32; "Беседа на 1Кор.20" Климента Римского. - Аверинцев 1977,с.85). В древнерусском "Слове о постах" риторическое рассуждение с использованием "космологии" завершается дидактическим выводом: "Солнце, месяц, звезды, езера и реки, источникы, вся горы и холмы, ветры и снези, дожди, скоти и звери, и птица, и гады, и всяко древо земное. - И все то Бога боиться и трепещет и не преступает повелениа его, но все то в уставе своем стоить... Земля дает плоды своя наслед человеком, жита и траву, древа, цветы, плоды всякого овоща земнаго, на потребу нам и на снедь скотам и зверем, птицам и гадам - всему земному дыханию... Солнце, осияя и грея вся от земля, восходя и заходя, и работая человеком, все творя повелениа божья и не преступая заповеди его, Такожде луна и звезды... Такожде и море творить, и озера, и реки, источникы, работающе человеком: овех възяше в кораблех ветры... напояюще водами, кормяще рыбами всякыми, омывающе нас, - тако нам работают, боящеся Творца своего. - Все стоит в уставе своем... а по собе ничтоже не смеет створити - ни земля, ни море, ни озера, ни рекы, ни источникы, ни кладези, ни горы, ни пропасти, ни огонь, ни зверь, ни гади, ни рыбы, ни мрази, ни снези, ни ветры... - Ты ж, человек, не боишися и не трепещеши мене, не храниши заповедии моих?" (Солов.сб.,ХУIв. - ПДРЦУЛ III,с.59-61).

Космологическая образность "Слова о расслабленном" Кирилла Туровского входит в состав учительных тирад-обращений к "расслабленному" (греховному человечеству), которому предстоит обрести должное смирение и прочие добродетели - свойства духовного "здоровья". В "Слове на антипасху" Кирилла дидактический аспект семантики "образа автора" проявляется в обобщающей теме духовной "брани" ("воинствования"), необходимо дополняющей картины идиллически-умиротворенной весенней природы (см. ниже).

Апологетико-полемический аспект семантики "образа автора" в космологической образности Кирилла Туровского. В "Слове о расслабленном" Кирилла общедидактическое содержание символики природы выводит на актуальную для Древней Руси тему борьбы с язычеством. Цитированная выше "космологическая" тирада "Слова о расслабленном" (ТОДРЛ,ХУ,333) обращена ко впадшему в "пути неблагы кумирослужения" человечеству. Космологические структуры применительно к идее борьбы с язычеством активно использовались не только в полемико-апологетических сочинениях, имевших специальную, акцентированную антиязыческую направленность, но и в произведениях экзегетико-историософского характера, в дидактических, панегирических и т.д. произведениях.[12]

В древнерусской книжности безусловно осуждалось обоготворение сил природы (Аничков 1914,с.113). Так, полемический фрагмент "Слова о слепце" Кирилла Туровского, направленный против кумирослужения, опирался на текст: "Бози, иже не сотвориша небесе, ни земля, ти да погыбнуть с работающими им" (Иер.10,11. - ТОДРЛ,ХУ,339). Порицаемые средневековым писателем объекты языческого поклонения обычно имели космологическую закрепленность: "все боги прозваша: солнце и месяць, землю и воду, звери и гады" ("Хожение Богородицы по мукам" - Гудзий 1973,с.93; ср.: "Слово о рождестве" ИЗл. - Торж.,л.87об; "Поучение на крещение" - КО II,с.371,л.273б-274; "Сл. об испыт.град." Григория Назианзина - Аничков 1914,с.93-94; см.также: КО I,с.639,л.58об; КО II,с.612,л.196; Торж.,л.420об и др.).

Логика построения тирад, направленных против "идолопоклонства", "идололатрия" была следующей. Вначале помещалось клишированное описание - перечисление "уровней" природного мира, "преподнесенного в дар человеку". Затем следовала тема нарушения "заповеди", "преслушания" и впадения

в поклонение твари, стихиям [13]. После этого речь шла о наказании - о потере человечеством "царственного" достоинства, отчуждения не только от Вседержителя, но и от природы. В итоге - дидактический вывод о необходимости покаяния, требование идейного "обращения". Например, в "Похвале св.Николаю" после демонстрации космологических образов "автор-апологет" сетовал: "Мы же Того оставивше, рекам и источником требы полагаем и жрем яко Богу твари бездушнеи", после чего развивал тему "казней божиих" ("небу затворенье, бездождие и плодом пагуба") и перечислял "пути спасения" (Сб.Троиц.,№ 9,л.216об; ср.: "Слово о Троице" Климента Охридского. - КО I,с.639,л.58б; ИЗл.,ПГ,т. 51,кол.114 и др.).

Исторически на смену политеистическому обожествлению природных стихий пришел христианский монотеизм, подчинивший образы природы задаче прославления "Творца тварем". Говоря об утверждении в древнерусском обществе, в Киевской Руси "нового" миросозерцания, Кирилл Туровский в начале "Слова на антипасху" патетически восклицал: "ОБНОВИСЯ ТВАРЬ: УЖЕ БО НЕ НАРЕКУТСЯ БОГОМ СТИХИЯ, НИ СОЛНЦЕ, НИ ОГНЬ, НИ ИСТОЧНИЦЫ, НИ ДРЕВЕСА" (ТОДРЛ,XIII,416).

Тема язычества, преодолеваемого и побеждаемого "новыми" славянскими народами, - одна из основных в символико-космологической картине весны "Слова на антипасху". ("Солнце праведное" прогоняет "зиму кумирослужения"; дикие "отрасли" - языческие страны - "присаждаются" к плодоносному "древу Иосееву"; духовные пастыри пасут новорожденных "агньцев и уньцев" - "новые" народы; "язычные рыбы" уловляются "апостольскою мрежею" и др. - ТОДРЛ,XIII,с.416-417). В этом фрагменте древнерусский ритор ставит не только историософские, эпидейктические, но и полемико-апологетические задачи. Кирилл учитывает ту культурно-историческую память, которая сохранялась у его "паствы" от времен языческих. Писатель-проповедник стремится "вытеснить", заместить языческие мифолого-космологические представления сходными образами литературы, связанной с учением новой для Руси религии [14].

<u>Историософский план семантики "образа автора" в связи с описаниями природы</u>. Характерная особенность древнерусской литературы - историзм (в средневековом его понимании). Любой ли-

сатель стремился развивать избранную тему обязательно в контексте истории, представить её на фоне мирового исторического процесса [15], насыщал текст историческими аналогиями (Кусков 1980б, с.39-43; Кусков 1982,с.8-9). Так, в "Слове на воздвижение" из "Сборника Ягича" анонимный славянский автор представляет читателю краткий конспект истории в её средневеково-христианской трактовке. Исторический экскурс начинается с "панорамы" первозданного универсума: "... Небо пропять и препыщренние кругы звездами украси - света солнце испльни и просвети и повеле ему непочиваауще тещи - зему основавь утврьди на водахь и ни на чесомь же - земи повеле траву семенну прозебати - повеле рекамь и быстринамь плути и вь езера събыратися - песокь предель положи и огради море - водамь повеле изнести душе живие и ветромь веати - повеле облакомь вьсходити - нарекль и лета, и годины, и времена - послед же сьтвори человека" (Сб.Ягич.,35б-36б). Это отправная точка для дальнейшего повествования о "грехопадении" и последующем "спасении" человечества. Тот же сюжетный ход применен и в "Слове на воздвижение" Иоанна Златоуста (Торж.,л.23-23об).

Так как в средневековой культуре "порядок космоса" соотносился, корреспондировал с "порядком истории" (Аверинцев 1977,с.84-108), природа мыслилась как соучаствующая в историческом процессе. Природно-космологическая образность в произведениях ораторской прозы постоянно выступала в сопряжении с ключевыми событиями всемирной и всечеловеческой истории. События эти регулярно "воспроизводились" в годовом цикле праздников официального месяцеслова, которым посвящено множество "поучений" и "слов".

Эмоционально нейтральных описаний природы древнерусская ораторская проза не содержит. Эти описания эмоционально контрастны, выполнены в двух тональностях, выражают либо радость, торжество, ликование, либо скорбь, потрясение, печаль. В одних доминирует настроение духовного радования, в других - мрачная патетика сокрушения, покаяния, страха [16]. Соответственно можно выделить два типа космологических описаний, используемых риторами для иллюстрации историософских схем. Первый ориентирован на изображение праздничной гармонии (на темы творения мира, духовного "восстановления" космоса Мессией, "нового не-

ба и новой земли"). Описания второго типа - картины потрясенной природы, мировых катостроф‚ (в связи с сюжетами Адамова грехопадения, ветхозаветных "казней божиих", трагической миссии Христа, "дня гнева") [17]. Оба варианта представлены практически во всех "словах" Кирилла Туровского.

На взгляд "автора-историософа", мир, связанный "неразрывным союзом любви в единое общение и одну гармонию" (Василий Великий 1911,с.14,25), существовал лишь в "первое" время, до преступления Адама, приведшего к космической катастрофе. Для "ветхого" человечества природа - сила враждебная (Сахаров 1879, с.215-216. См.: ИЗл.,ПГ,т.60,кол.700-701). В "Слове на воплощение" Иоанна Златоуста изображено возмущение природы против Адама: "Все захотело отказаться от человека, так как он отказался от творца... Солнце, луна, звезды не хотели всходить для преступника, источники и реки захотели отказать в потоках, сады - в прелести, луга - в цветах" (ИЗл.,ПГ,т.59,кол.691. Ср.: апокрифы "Видение Павла", "Книга Еноха", духовные стихи "Плач Адама", "Плач Земли" и др. - ПДРЦУЛ III,с.54; Сахаров 1879; Фаминцын 1884,с.149).

В ораторской прозе были распространены образы соучастия "твари" в "страстях" мессии. В "Слове о мироносицах" Кирилла Туровского троекратно описаны "страшьная в твари чюдеса" во время "страсти вольных Спасовых" (например: "ТВАРЬ СЪБОЛЕЗНУЕТЬ... УЖАСНУСЯ И НЕБО И ЗЕМЛЯ ТРЕПЕЩЕТЬ... СОЛНЦЕ ПОМЬРЧЕ И КАМЕНИЕ РАСПАДЕСЯ" - ТОДРЛ,XIII,с.420-421; ср.: в "Слове на пасху" Кирилла: "СОЛНЦЕ ПОМРАЧИ И ЛУНУ В КРОВЬ ПРЕЛОЖИ, И ТМА БЫСТЬ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛИ... И КАМЕНИЕ РАСПАДЕСЯ" - ТОДРЛ,XIII,412; Мф.24,29-30; Лк.21,25-27; Мр.13,24-25; Иса.13,10; 24,23 и др.). Ужас и смятение природы во время распятия Христа передаются в космологических образах многих ораторских произведений (например, в "Слове на вознесение" Иоанна Златоуста: "трепеташе земля, подвижася море, вълаашеся бездьна - вся тварь съмятеся; убояшася светила небесьная, побеже солнце и месяць, звезды ищезнуша" - Усп.,л.261а-261б; ср.: ИЗл.,ПГ,т.62,кол.950 ,752). Этот мотив многократно отражен и в гимнографии: "Солнце луча съкры и сияние звезды отложиша, земля же мъногъмь страхъмь колебася и море побеже, и камение распадеся" (ТрЦ.XI-XIIвв., л.

47об-48; ТрЦ.XI-XIIвв.,л.83-84 и др.; см.также: Порфирьев 1909,с.104).

Космологические структуры сопутствуют и апокалиптической теме, являясь значимым компонентом описаний "дня печали". Эсхатологическая образность, обильно представленная в позднебиблейской, новозаветной и апокрифической литературе (Нестерова 1987,с.30; см.: Иса.1,7,16-31; 2,13-20; 24,1-14,18-23; Иез.32, 7-9; Иоил.2,10,31; Мф.24,29-30; Откр.6,12-14 и др.), служила основой для изображения "страшного суда", картин, подобных тем, что даны в "Паренесисе" Ефрема Сирина (см.: Архангельский 1890, с.57,66,96-97). Катастрофическое потрясение космоса обрисовывается в произведениях многих авторов, в том числе и славянских, обращавшихся к эсхатологической тематике. Образы разрушающегося, "мятущегося" пространства представлены в "Слове о десяти девах" Иоанна Златоуста (Усп.,л.192а-192б, 190г-191а), в "Слове на преображение" Анастасия Синаита (Торж.,л.233), в "Слове о троице" Климента Охридского (КО II,с.643,л.62об), в "Слове о втором пришествии" Палладия Мниха, "Житии Василия Новаго", "Житии Андрея Юродивого" и др. (Сахаров 1879,с.148-192).

Иной эмоциональный колорит имеют космологические описания в "Слове на антипасху" и "Слове о расслабленном" Кирилла Туровского. В них доминирует не идея апокалиптической катастрофы, наказания, гибели, скорби, сокрушения, а мысль о "весне" творения, о гармонии человека, природы и Творца во всеобъемлющем праздничном торжестве. Такой тип смыслового наполнения космологических структур ораторская проза увязывала с празднично-панегирической семантикой.

И тот, и другой мотив в средневековых произведениях зачастую разрабатывались параллельно, дополняли друг друга. Например: "Солнце и луна померкнут ть и звезды заидуть сиание свое... и потрясется небо и земля... - И будеть в день он: искаплют горы сладость и холми точять млеко... и источьник из дому господня изыдеть... Деръзаи зем'ля, радуися и веселися... Дерзаите, скоти польстии, яко процветоша поле пустынныя, яко древо принесе плод свои, виноград и смоковница даша крепость свою" (Тр.Пост., XУIв.,л.41-42об.-Иоил.1-3; ср.: "Егда же вся тварь пред страшным предстанеть судищем... громи боятся, молнья трепещет, зем-

ля колеблется, огнь свирепый потечеть... - Тогда праведници возрадуются... апостоли въ облацех восхыщаются" и т.д. - Кирилл Туровский. - МСКТ,с,275-276). Это привычное для средневековой книжности соединение тем "страха" и "радости" (ср.: "да възвеселится сердце мое боятися имени твоего" - Пс.85,II. - ТПсАф.,№ 334,л.5; Евр.I2,28-29) Кирилл Туровский в своих "словах" как бы расщепляет, закрепляя "страх" ("скорбь" и "покаяние") за Ветхим заветом, а "радость" ("надежду") - за Новым заветом. Противопоставление "закона" и "благодати" как символов двух исторических эпох восходило к Рим.5,20 и Рим.6,I5 (Ф.И.Буслаев отметил, что данная оппозиция была усвоена Кириллом через "Слово о законе и благодати" Илариона Киевского. - Буслаев, I88I,с.8I). Противопоставление "постращающего" "закона" и спасающей "благодати" отразилось в созданных Кириллом Туровским параболических конструкциях, со- и противопоставляющих "Синай" ("Хорив") и "Олеон" ("Фавор", "Голгофу") (см.: "Слово на пасху" - ТОДРЛ,XIII,4I3; "Слово о мироносицах" - ТОДРЛ,XIII,424). Основываясь на композиционной схеме Евр.I2,I8-23 (ср.: Исх.33, I8-23; Мф.I7,I-2; Деян.I,I2), Кирилл в "Слове на вознесение" стремился показать, что "гора Елеоньская" ("благодать") "святеиши есть Синаискыя горы" ("закона"). Писатель говорит о двух принципиально противоположных исторических типах взаимоотношений "промысла" и человечества; "НА СИНАИСКУЮ БО СЪШЬД ВСЯ УСТРАШАШЕ, ЗАНЕ ГОРА ВСЯ ГОРЯШЕ ОГНЬМЬ, МОЛНИЯ ЖЕ И ГРОМИ ПРИСТУПАЮЩАЯ К ГОРЕ УМЬРЩВЯХУ" (ТОДРЛ,ХУ,34I) [18]. Совершенно иное - в характеристике исторически "нового" порядка бытия, осуществляемой в "Слове на вознесение" также посредством образов космологического ряда: "НЕБЕСА ВЕСЕЛЯТЬСЯ, СВОЯ УКРАШАЮЩЕ СВЕТИЛА - ЗЕМЛЯ РАДУЕТЬСЯ - ВСЯ ТВАРЬ КРАСУЕТЬСЯ, ОТ ЕЛЕОНЬСКЫЯ ГОРЫ ПРОСВЕЩАЕМА..." (ТОДРЛ,ХУ,34I-342).

Историософская проблематика имеет принципиально важное значение для понимания идейно-художественной структуры "весеннего" описания природы в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского. Здесь "новый" строй духовной жизни людей противопоставлен не только "ветхозаветной" религии (как это имеет место в "Слове на пасху", "Слове о мироносицах" и "Слове на вознесение"), но и "беззаконию" языческого "кумирослужения" (Буслаев I88I, с.80-8I, прим.I).

В "Слове на антипасху" космологическая образность последовательно интерпретируется с точки зрения "автора-историософа". Историософская семантика материализована в приеме экзегезы (комментария, объяснения образов-символов). В отличие от собственно экзегетических произведений [19], торжественные "слова" Кирилла превращают комментарий, "приточный способ изложения" (Никольский 1892,с.95; см.также: Никольский 1892,с.101-102, 224-225; Владимиров 1900,с.161; Порфирьев 1913,I,с.402 и др.) в "украшающий троп" (Еремин 1966,с.139).

Празднично-церемониальный и панегирический аспекты семантики "образа автора". Авторы торжественных "слов", в том числе и Кирилл Туровский, рассматривали образы природы не только в связи с идейно-функциональными установками: натурфилософско-догматически обрисовать мировое целое, показать его как произведение "высочайшего художника", обосновать антропоцентристскую "модель" вселенной; дидактически наставить паству, представить гармонию космических сфер и стихий в качестве примера смиренного исполнения долга, примера послушания для человека; опровергнуть "лжеучения", провести полемико-апологетическое "прение" с "врагами истины"; показать связь "порядка космоса" и "порядка истории", рассматреть описания природы в контексте историософских представлений эпохи.

Главная задача торжественного красноречия состояла в создании у читателей-слушателей ощущения коллективного участия во вселенском празднестве, вовлечь их похвалу, "соборное" славословие по поводу празднуемых событий. Создаваемые "автором - описателем "съборного" действа" и "автором-панегиристом" риторические тирады опирались уже не на логико-учительные способы способы разработки текста, но преимущественно на стилистику лирико-драматического характера.

Символика "духовного събора" в ораторской прозе Кирилла Туровского. В праздничном "действе", изображаемом в торжественном "слове", мыслился "събор" времен и "събор" ("сърастворение") пространств по космологической горизонтали и вертикали.

Эпидейктические сочинения Кирилла посвящены праздникам "Цветной триоди". Произведения, тематически связанные с этими праздниками, последовательно развивали символический мотив

"весны" как духовного воссоздания, обновления мира, "весны" как утверждения идеального порядка бытия. Риторы усматривали параллель, соответствие между "первым" творением мира и духовным преображением космоса в результате деяний Христа. Считалось, что во время праздничного торжества происходит своеобразное аплицирование "мирозиждительной" темы на сюжетно-образную канву "действа", праздничного церемониала, иллюзорное восстановление "исходного" порядка бытия ("Слово на вел.пятницу" Иоанна Златоуста. - Супр.,л.8I-8Iоб; "Слово на пасху (6)" Иоанна Златоуста. - ПГ,т.59,кол.739; см.также: Гуревич I984,с.87-88).

"Весна" - это не только поэтическое обозначение "первого творения", но и образ "будущего века"(то есть символ "альфы" и "омеги" мирового процесса). "Толковый Апостол" утверждал, что подобно тому, как "изначала създани бихом небо и земля, море и звезды", возникнут "небо ново и земля нова, и вся тварь"(Толк. на 2Петр.3,I2-I3.-ТАп.,№ II,л.I53-I53об). Стереотипность, формульность подобных описаний дала повод В.А.Сахарову говорить об "общей бедности изображения райских блаженств" в русской средневековой книжности (Сахаров I879,с.227).

Праздничное красноречие было погружено в сакрально-циклическое время (Бычков I976,с.I60-I9I; Гуревич I984,с.I03-I42), "укоренено" в событиях "священной истории", которые для древнерусского ритора "существовали в своей реальности вечно" (Лотман I977,с.99), постоянно воспроизводясь в годовом цикле праздников официального месяцеслова (Лихачев I979,с.27I-272). Структура художественного времени ансамблевого храмового искусства (в том числе торжественной ораторской прозы) определялась "воспоминанием" событий Евангелия, их проекцией на время произнесения праздничного "слова". Новозаветная "мистерия" организует, концентрирует вокруг себя всё содержание мировой истории, является основой изображаемого в литургическом "слове" все- и надисторического "събора" времен, их единства и взаимопроницаемости.

Наречие "днесь", анафорически проходящее через всё космологическое описание "Слова на антипасху" Кирилла Туровского, как бы утрачивая буквальное значение, указывает на особую,

праздничную "все-временность" (ТОДРЛ,XIII,416-417). Не менее показательно использование наречий "днесь", "ныне" в "Слове в неделю цветную" Кирилла, где они лейтмотивно проходят через текст (13 употреблений), выступая одним из средств моделирования "събора времён".

Самая общая и наиболее простая структура "събора" пространств по вертикали: "небо – земля – преисподняя". Совершая движение по космологической вертикали, Христос осуществляет "обновление" ранее противостоявших "небу" (возрождение "обетшавших в грехе") сфер бытия – "земли" и "преисподней", формирует новое вселенское единство. Цель "сшествия" Мессии – возвести "падшее" человечество из "темницы", из "рова, неимуща воды" ("Слово о женах-мироносицах" Кирилла Туровского. – ТОДРЛ,XIII, 422), – в "горние", на прежде недоступную "всеродьному Адаму" высоту. Идею "спасения" и "возрождения" Кирилл иллюстрирует символикой пространства: "языки" "от ада на небеса вселившеся" (вариация на тему "сниде – възведе" в "Слове на пасху" – ТОДРЛ, XIII,412); "идеши бо во ад, да Адама от ада с Евгою падъша преступлениемь пакы възведеша в рай и прочая с нима" ("Слово о женах-мироносицах" – ТОДРЛ,XIII,423), "на землю пришествию – на небеса человеком въшествию" ("Слово о слепце" – ТОДРЛ,XУ,339), "враг в преисподьняя съведе, тыя же на небеса възведе" ("Слово на вознесение" – ТОДРЛ,XУ,342) и др.. Стилистическая трафаретность данной образности несомненна. Оригинальность Кирилла проявляется в сюжетно-композиционной разработке темы "нисхождения – возведения" в "Слове на вознесение", где после описания сокрушения и преобразования "адских съкровищ" [20] следует "прение" по поводу вхождения "рабьего зрака" в "горние" ("вышьний вратьници възбраняху" войти во "врата небесные" тому, кто "человечьскымь обложен телесемь", кто, "рабий нося образ", "въсходить". – ТОДРЛ,XУ,342) [21]. В своих "словах" Кирилл Туровский последовательно проводит мысль об "обновлении" и космоса, и всего человечества, подчеркивает равноправие "новых" народов, недавних язычников, с другими народами "всеродьного" христианского мира (напр.: "изведе всеродьна Адама съ всеми отечьствии язык" – ТОДРЛ,XУ,340; ср.: ТОДРЛ,XIII,412; ТОДРЛ, XIII,423 и др.). Особенно сильно этот мотив звучит в "весеннем"

описании "Слова на антипасху", где риторико-экзегетическая разработка образов позволила писателю отразить идею "обновления" "языков" на всех предметно-тематических уровнях космологической символики.

Взаимосвязь, согласованность изображения преобразовательных подвигов "Сына человеческого" и картин обновленно-праздничной природы – топос средневековой ораторской прозы и гимнографии. Все сферы мироздания охватывает драматизированное изложение "Слова на вознесение" Кирилла Туровского; подробно описанный церемониал "схождения – вознесения" сопровождается образами соучаствующей в "деистве" природы: "Небеса веселяться, своя украшающи светила... земля радуеться... и вся тварь красуеться" (ТОДРЛ,ХУ,341; "радость на небесех... и на земли веселие всей твари, обновльшися от истления" – ТОДРЛ,ХУ,343). В "Слове в неделю цветную" после перечисления деяний героя Кирилл также помещает описание природы: "Днесь тварь веселиться, свобождаема от работы вражья... Днесь горы и холми точать сладость, удолья и поля плоды приносять" (ТОДРЛ,XIII,411). В "Слове на антипасху" космологический фрагмент предварен темой "схождения-брани и восхождения-триумфа" главного персонажа, в результате которого совершается "всему пременение" ("обновися тварь... створи бо ся небомь земля, очищена от бесовьских скверн" – ТОДРЛ,XIII, 415). Образ весны – "нового" космоса – в центре композиции данного произведения "русского Златоуста". В топосе "преобразовательная деятельность Христа – связанное с ней обновление мира природы" "Слово в неделю цветную" и "Слово на вознесение" разрабатывают первую часть более подробно. "Слово на антипасху" Кирилла главное внимание уделяет развитию второй части топоса – изображению весеннего обновления космоса.

Многоуровневые символико-космологические описания, выполнявшие роль схемы "събора" всего мира в праздничном действе, оформлялись в ряды синтаксически параллельных фраз: "Поют ангели – славят силы – работает солнце – служит луна – послушает стихиа – покоряються источници" ("Слово на сретенье" Кирилла Александрийского. – Торж.,л.139об–140), "радуються хол'ми – осеняются дебри – цветуть удолиа – украшают(ся) потоци – кропят реки – чтят моря – оглашають облаци – поют птица" ("Слово на

преображение" Анастасия Синаита. - Торж.,л.227об) и т.п.. Перечисление образов космологического ряда генерализовало в сознании читателя-слушателя идею "все-единства" мира, космической полноты и всеохватности празднества. У Кирилла Туровского этот прием наглядно отразился в картине весны "Слова на антипасху".

В средневековой ораторской прозе и гимнографии набор перечисляемых образов часто дополнялся символикой конкретного праздничного церемониала. Например, в "Слове на рождество" Иоанна Златоуста: "Вся тварь Ему дары приносит: земля - ясли... горы - пещеру, гради - Вифлеем, ветры - послушание, море - повиновение, вирове - рыбы, реки - Иордана, пустыни - Иоана, птицы - голуба, влъсви - дары, жены - Марфу, неплодвие - Елисавеф, дети - зеленичие, пастыри - хвалу, иереи - Симеона, гонителе - Павла... въсток - звезду, небеса - аггелы" (Торж.,л.86; аналогичный стилистический ход - ИЗл.,ПГ,т.56,кол.385-387; ИЗл.,ПГ,т.61,кол. 766; ИЗл.,ПГ,т.50,кол.810; см.также литургический текст на праздник: "Что ти принесемь... аггели - пенье, небеса - звезду, влъсви - дары, пастырие - чюдо, земля - вертеп, пустыни - ясли" и т.д. - Трефол.,ХУIв.,л.72об).

"Материальная" космологическая символика в древнерусских произведениях взаимодействовала, соединялась с символикой духовной иерархии (Вагнер 1976,с.226), с образами "духовных чинов" - "торжествующего събора и духов праведников" в горнем "граде - храме - горе" (Евр.,12,22-23). Поэтому не случайно космология "весны" в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского завершена тирадой, говорящей о "всех святых чинах": "ПРОРОЦИ И ПАТРИАРСИ - АПОСТОЛИ И СВЯТИТЕЛИ - МУЧЕНИЦИ И ИСПОВЕДНИЦИ - ЦЕСАРИ И КНЯЗИ БЛАГОВЕРНИИ - ДЕВСТВЕНИИ ЛИЦИ И ИНОЧЬСТИИ СЪСТАВИ - ПОСТНИЦИ И ПУСТЫНЬНИЦИ" (ТОДРЛ,XIII,417). В сходной по типу тираде, завершающей "Слово на вознесение" Кирилла, явлен "весь" мир разом, причем не только "святые чины", но и "вся крестьяны", все участники празднества, которому посвящено "слово": "апостолы - пророки - угодники - праведникы - мученикы - страстотерпцы - святители - благоверные князья - церковникы - иерея и диаконы - игумены - мнихи" и "вся крестьяны: малыя с великыми, нищая с богатыми, рабы с свободными, старьце с унотами и женимыя с девицями, матери с младенци, сироты с вдовицами" (ТОДРЛ,ХУ,343).

Такой образ "събора" является одним из "общих мест" эпидейктической стилистики средневековья. Он базируется на символике текстов традиционного содержания (например: "цари земстии и вси людие, князи и вся судьи земскаа, юноши и девы, старци с юнотами" - Пс.148,II.-ТПсФеод.,№ 331,л.257об; ср.:Евр.12,22-23; Ефес.4,II; IКор.I2,28; Рим.I2,6 и др.), он хорошо знаком ораторской прозе (см.: "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона; "Слово на успение" Андрея Критского - Торж.,л. 257об-258; "Слово на поклонение честн. и животворящ.кресту" Феодора Студита - Торж.,л.327об; ИЗл.,ПГ,т.59,кол.564 и мн.др.). Сходные по структуре и содержанию тирады распространены и в гимнографических сочинениях (например: "радовахуся чини аггельсции, пророк състав, преподобьник множьство, мученици веселяхуся" и т.д. - Мин.1095,сент.,0181; Мин.1096,окт.,83; Мин.1097, ноя.,344,480 и др.).

Тема духовного "събора" (оппозиция "часть - целое") могла разрабатываться в различных образных вариантах. Кроме космологических картин средневековый книжник имел в распоряжении множество образов антропо-, био-, зооморфной и др. мифопоэтических "моделей мира"[22]. С помощью любой из них "автор - описатель праздничного "събора" мог инспирировать у "съ-участников" праздничного церемониала патетику духовного соединения, "съраствореия", слияния пространств и времен в "съборное" Целое.

Похвально-эпидейктический план "образа автора" в связи с описаниями природы. "Автор-панегирист" выполнял основную задачу торжественной ораторской прозы - принесение "дара праздьничьскааго" (ГБ НИ,XIУв.,л.94-94об), слова похвалы. Он стремился отдать "долг памяти", почтить не-изреченные духовные достоинства героя, показать величие празднуемых событий. Панегирико-эпидейктические произведения показывают мир праздничного "възыграния", веселия и радости: "НЕБЕСА ВЕСЕЛЯТЬСЯ - ЗЕМЛЯ РАДУЕТЬСЯ - ВСЯ ТВАРЬ КРАСУЕТЬСЯ"("Слово на вознесение" Кирилла Туровского - ТОДРЛ,ХУ,341; ср.: "Да возвеселиться небо свыше и возрадуется земля, да подвижиться мирьское море" - Пс.95,II. - "Слово на рождество Богородицы" Иоанна Дамаскина. - Торж.,л. 15об). Духовная динамика пронизывает весь космос, радостное "възыграние" охватывает мир природы ("Велит же горамъ и хлъмом,

сиречь малимь и великымь езыкомь, играющемь яко агньцемь сь радостию" (КО II,с.247,л.I9I; "да радуеться земля вься, небо да веселиться, мир да възыграеться, рекы да въсплещють рукама, источьници и езера, бездьны, моря сърадуються"- Мин.XII-XIУвв., янв.,л.32,34об,48об; ср.: Торж.,л.428об,346об-348,443об-444 и др.; см. также: Пс.28,6; II3,4; Малах.4,2-3; Лк.6,23).

Автор-панегирист изображает космос, исполненный торжественного славословия, ликования ("ликъ" - "лицо", "музыкальный инструмент", "пение, пляска, праздник"): "Весь же кругъ земленыи ликует, великорадостьныи же ликъ апостольскыи руками плещет и небо превозносится" ("Слово о Лазаре" Тимофея Иерусалимского. - Торж.,л.34I), "веселися о неи небо - ликоствуи тоя ради земле - да въсплещет же и море - вся убо тварь да радуется и да ликоствует, и рукама плещет" (Торж.,л.I3об). Топика "хвалословия" "земли и небес" формировалась на основе текстов традиционного содержания: Пс.8,2; I8,I-7; 35,6-7; 56,6; 68,35; 84,I0-I3; 95,II-I3; 96,6; I07,5-6; Иса.44,23; 49,I3; 52,9; Мф. 6,I0; Лк.II,I4 и др..

Поэтика "торжествующего събора" предполагала коллективную похвалу ("единый хор", "струны кифары, настроенные согласно" - ИЗл.,ПГ,т.47-48,кол.749-750; т.56,кол.97-98,28I; т.63,кол.57I), "у-венчания" похвалой героев празднества: "песньми, яко цветы, святую церковь веньчаем и праздник украсим, богови хвалословеление въслем" ("Слово в неделю цветную" Кирилла Туровского. - ТОДРЛ,т.XIII,с.4II). Каждая из сфер космоса (персонифицированные "лики" природы) и человечество ликуют, поют, славят. Космология "ликов" церемониального "хвалословия" обычно корректировалась образами того сюжета, которому было посвящено "слово". Например, в "Слове на вербницу" Кирилла Александрийского среди участников праздничного "действа" присутствуют "младенци" и "ученици" (Мф.2I,6): "Вся празднику приобщаються, вся Владыку поют: небеса веселяться, горы радуются, реки восплещете, пророци възопиите... холми воскликнете, младенци воспоите, ученици проповедите, священнице возглаголите... языци соберетеся, небесная и земьнаа и преисподняа, и вьсе достоиньство и възраст" (Торж.,л.34I-34Iоб; ср. с символикой "славословящих" "младенцев - отроков - старцев", "предъидущих и въследующих"

в "Слове в неделю цветную" Кирилла Туровского - ТОДРЛ,XIII, 4I0).

Развернутая в "Слове на антипасху" Кириллом образность праздничного ликования природы восходит к стилистике кирилло-мефодиевской книжности: "Хвалите его солнце и луна, хвалите его вся звезды и свет, хвалите его небеса небес... Хвалите господа и от земля, змиеве и вся бездны, и огнь, и град, и снег, и голоть, дух бурен... горы и вси холми, древа плодовита и все кедри, зверье и вси скоти, гади и вся птиця пернатыа, цари земьстии и вси людие" (Пс.I48,3-II.-ТПсФеод.,№ 33I,л.257-257об); "Да възвеселятся небеса и радуется земля, да подвижется море и исполнение его, възрадуются поля и вся, иже на них, тогда възрадуются вся древа дубравная" (Пс.95,II.-ТПсАф.,Ягич,463-464); "Радуитеся, небеса... вътрубите, основанья земленаа, възопиите горы веселье и холми, и все древо" (Иса.44,23.-ТПр.,л.I79 об); "Въспоите господеви песнь нову... и имя его от конець земленых, сходящеи в море и плавающеи по нему острови и живущеи в них! Радуйся пустыне... възрадуются живущеи на камени, от връхъ горных възопьють, дадять господеви славу" (Иса.42,I0.-ТПр.,л.I77; ср.: Иса.49,I3; 55,I2); "Благословите аггели, небеса... благословите воды вся... благословите солнце и месяц, звезды небесныю... благословите всек дъждъ, роса и вси дуси... благословите огнъ, зной, зима, вар... благословите росы и инеи, леди и мрази... благословите сланы и снези, ноштъ и денъ... благословите свет и тма, млъниіи и облаци... благословите земле, горы и хлъми, все прозябаюштия на земи... благословите и источъници, море и рекы, кити и все движуштия ся в водах... благословите вся птицы небесныю, звери и вси скоти... благословите сынове человечи... благословите иереи... раби господни Господа!" ("Песнь трех отроков" - Даниил 3,58-84.-ТПсАф.,Ягич, 740-74I).

Церемониал торжества, описываемого в "словах" Кирилла Туровского, насыщен "акустическими" образами: восклицаниями, победными "кликами", "гласами", трубными звуками, шумами громов и т.д.. В "Слове на антипасху" Кирилла семантика "похвалы" заложена в каждой тираде описания весенней природы: небеса "сла-

ву исповедають", пастыри "свирянот" и "веселиемь славять", "доброгласная птица" веселятся, "свою каждо поюще песнь", ликуют "святые чины" и пр. (ТОДРЛ,XIII,4I6-4I7).

Согласие и гармония единого, "съборного" славословия в празднестве ("ангелы с людьми составляют хоры" - ИЗл.,ШГ,т.6I, кол.766) предполагает для участников торжества своего рода состязание, соревнование в "службе похвалы". Так, во вступлении к "Похвале Петру и Павлу" Иоанна Златоуста представлена "реть" неба и земли, их состязание "почтенными гласами" и "достойным благохвалением" (Торж.,л.207об-208). В "Слове на вознесение" Кирилла Туровского тема "творческого соревнования" получила оформление в следующих одна за другой тирадах, каждая из которых содержит "похвалу" из цитат Псалтыри и Пророчеств": Пророчьстии слышатся гласи, яже радостьно ликъствують... Ангели вся поущають, глаголюще: въскликнете богу вся земля, пойте же имени его! Патриарси начинають песнь... Преподобьнии възглашають... Праведници велегласуют... Давыд же, акы старейшина ликов, уяшняя песеныя гласы, глаголеть: Вси языци въсплещете руками, въскликнете богу гласомь радости... Всех же гласы оконьчеваеть Павьл..." (ТОДРЛ,ХУ,342; ср. со структурой антифонного пения, ектиньи). Это один из многих возможных примеров приложения лирико-драматизирующей стилистики к символико-космологическим описаниям, созданным Кириллом Туровским (см. подр.: Никольский 1897,с.250-252; Келтуяла 1913,с.216-217; Порфирьев 1913,с.399).

Эпидейктические "слова" Кирилла Туровского - часть ансамблевого храмового искусства, включавшего в себя и литургическую поэзию, и театрализованное действо. Сочинения Кирилла "по своему способу изложения решительно напоминали церковные песнопения, которые поются и читаются в те же дни в церкви и составляют как бы распространение и разъяснение этих песнопений" (Караулов 1870,с.137; ср.: Сухомлинов 1858; Миллер 1865,с.298; Шевырёв 1884,с.127-143; Вадковский 1892,с.350; Пономарев 1894, с.114-115 и др.). И гимнография, и литургические "слова" Кирилла вобрали в себя элементы "монументального драматического действа" (ПВЛит.,IУ-IX,с.18).

"Образ автора" в средневековом его понимании ("сильно окрашен внеличными тонами", "автор = авторитет", "автор = точка зрения" - КЛЭ,IX,с.29,31) реализовывался в комплексе конструк-

тивных способов организации текста, на любом уровне поэтики произведения. Основные семантические аспекты "образа автора" (догматико-натурфилософский, дидактический, апологетико-полемический, историософский, празднично-"съборный", панегирический) были взаимосвязаны с жанровым "модусом" текста и преобладающим в нем типом изложения (рассуждение, описание, лирико-драматические фрагменты), влияли на риторико-синтаксическую структуру тирад, на их сюжетно-композиционную закрепленность, определяли смысловую окраску символико-аллегорической образности.

Семантика описания весенней природы в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского. О созданном Кириллом Туровским символико-космологическом описании в "Слове на антипасху" писали многие исследователи творчества писателя (Сухомлинов 1858,с.29-36; Виноградов 1915,с.106-116; Никольская 1928,с.433-439; Вайян 1950,с.34-50; Бегунов 1976,с.269-277; Прокофьев 1976,с.231-242; Лихачев 1979,с.165-166 и др.), авторы учебников по словесности Древней Руси. Предлагаемый анализ рассматривает образы природы "слова" Кирилла в контексте поэтической семантики, присущей ораторской прозе, экзегетике и гимнографии Древней Руси, книжности греко-славянского Средневековья.

В "Слове на антипасху" Кирилла образность космологических картин получила истолкование в теософско-символическом контексте литературы Киевской Руси (Прокофьев 1976,с.232). На основе образов природы ритор создал оригинальное "произведение в произведении", истолковал образы весеннего мира в "экклезиологическом" смысле - как символические аналоги духовной общины христиан, духовного возрождения человечества. Сходное использование образности "весны" не раз встречается на страницах средневековой ораторской прозы - в параболических конструкциях, основанных на противопоставлении: "материальное - идеальное". Например, в "Слове об Иоанне Предтече" Иоанна Златоуста образы природно-материального мира ("солнце, освещающее своими золотыми лучами луга, испещренные цветами", "земля, украшенная деревьями", "ветерки, обвевающие долины", "неумолчно щебечущие птицы", "пастухи, играющие на многозвучных свирелях и заботливо следящие за стадами", "источники, катящие свои быстрые вол-

ны" и др.) указывают, по мнению автора, на "небесную весну", на "учение премудрости", на духовный "събор верных" (ИЗл.,ПГ, т.59,кол.489). Тот же набор образов пасторального характера ("После холодной зимы засияла теплая весна, земля украшена зеленой травою, древесные стебли – цветами, воздух блистает от солнца, птицы мелодично поют, пастухи, играя на свирелях, гонят стада на пастбища, земледелец идет в виноградник, мореплаватели отправляются в путь...") Иоанн Златоуст использует в "зимнем" "Слове на рождество Христово" для указания на "умственную весну", на воссияние "солнца праведного", разгоняющего "холодную и бурную" греховную мглу, утверждающего новый строй бытия (ИЗл.,ПГ,т.61,кол.763). В риторико-экзегетической разработке Андрея Критского ("Слово на обновление храма св.Георгия" природа становится "неподобным подобием" зримого "умными очима" вселенского празднества: "Небо бо нам днесь церковь, Георгие, претвори, небесе видимаго всяко краснеишу, и толико, елико духовьнаа от телесных суть честнеиша. Не бо солнцю чювьственому подлежит, но в незаходимое солнце Христа одеася. Не звезды лестныа нам предлагаа, ниже луну растущую и малеишу, но благодать нескудну подающую. Ниже облакы дождоводныа, нъ учителя богословца. Не землю жестокую, но душу уврачевати могущих. Не моря се почръпают, нъ от божественых очищающих согрешениа. Не источникы вод, нъ источникы исцелений показует. Не птичиа голосованиа, нъ аггельскыа гласы богословьствует днесь" и т.д.. Как и в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского, образность природы в данном произведении трактуется в связи с темой "древняа мимоидоша, се быша вся нова" (2Кор.5,17. – Торж.,л.51-51об; см.также: "Поучение в неделю четвертую поста на весну" Феодора Студита – Владимиров 1901,с.159).

Известную сложность в описании, в классификации смысловых планов символики славяно-русского Средневековья обусловливает многозначность, "информационная универсальность" символического образа[23]; аспекты поэтической семантики образа имеют тенденцию к слиянию, "перетеканию" одного в другой. Так, в "Слове на антипасху" Кирилла празднично-панегирическая тема тесно соприкасается с нравственно-дидактической и историософской.

Картина весны в "Слове на антипасху" идиллична. При этом следует учитывать, что образность умиротворенной, "праздничной"

природы в книжной традиции постоянно соотносилась с дидактико-учительной семантикой, коррелировала (со- и противопоставлялась) с символикой "духовной брани", "воинствования", подвижнического борения с "грехом" и "врагами истины"(см., например: "Слово о мире" Иоанна Златоуста - ПГ,т.5I-52,кол.425; "Слово на богоявление" Иоанна Златоуста - ПГ,т.6I,кол.76I). "Мир" и "брань" в символизирующем сознании древнерусского писателя необходимо дополняли друг друга. Праздничное веселие обновленного мира, духовная "весна" мыслятся в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского как результат воинской победы над "супостатами", ратоборческого преодоления "кумирослужения". Мотив духовной "брани" на уровне текста "Слова на антипасху" выражен в тираде, рассказывающей о весеннем половодье - потопе для "нечестивых людей" (см. также образ таяния - "расседания" "греховного льда"- ТОДРЛ,XIII,4I6-4I7). Идея духовного "воинствования" легко просматривается, обнаруживается в ближайшем подтексте, играющем важную роль в формировании содержания любой тирады "весеннего" фрагмента. В подтексте заложены традиционные для поэтического стиля Древней Руси оппозиции: "солнце праведное" - "огнь пожирающии" и "греховная зима"; "у-пасение" стад - пастырское "руковождение" и борьба с "волками" "до крове"; "присаждение" ветвей к плодоносному "Древу Иосееву" - труды "оградьника" и отсечение "неплодных отраслей" и т.д..

В системе книжной топики "духовная брань" была во многом равнозначна "труду" как "пути-подвигу" к достижению цели. Кирилловы "ратаи", "пастыри" и "рыбари" - образы, вполне привычные для ораторской прозы Средневековья. Их можно встретить во многих сочинениях византийских, древнеболгарских и древнерусских авторов (Адрианова-Перетц I947,с.53,60-74,97-I02). Например, в описании "весны - поста" "Слова о жизни" Иоанна Златоуста читатель видит "ратаев", которые призваны "возделать ниву души, всеять слово благочести, посадить растения любомудрия и заботливо ухаживать за ними для того, чтобы услышать Павлово: "трудящемуся делателю прежде подобает от плода вкусити! (2Тим.2, 6)"", видит "мореходцев", которые должны победить и укротить "волны беспорядочных страстей, бурю злых помыслов" (ИЗл.,ПГ,т. 49,кол.50-5I; ср. символику "пастырей - сеятелей -рыбарей - ви-

ноградарей - строителей - врачей - борцов - воинов" в "Слове на пятидесятницу" Иоанна Златоуста - Мих.,л.177-177об.-ПГ,т. 52,кол.803-804; "Слово на воздвижение" Иоанна Златоуста - Торж., л.20-20об.-ПГ,т.50,кол.815-817; см.также: ИЗл.,ПГ,т.48,кол. 872-873 и др.).

Главенствующими в символической картине весеннего мира "Слова на антипасху" являются празднично-панегирический и историософско-экзегетический аспекты поэтической семантики.

М.И.Сухомлинов во вступительной статье к изданию "слов" и "поучений" Кирилла Туровского обратил внимание на зависимость описания весны "Слова на антипасху" Кирилла от "Слова в неделю новую и о мученике Маманте" Григория Назианзина (Гомилия 44. - ПГ,т.36,кол.617-620. - Сухомлинов 1858,с.29-33). В последнем по времени сопоставлении экфразиса весны в сочинениях Кирилла Туровского и Григория Назианзина Ю.К.Бегунов вслед за М.И.Сухомлиновым усматривает прямое заимствование "весеннего фрагмента" Кириллом у классика византийской литературы. Своеобразие Кириллова текста исследователь видит в следующем: "Стилистические периоды - краткие и лапидарные у Григория, - весьма распространены у Кирилла Туровского за счет нескольких колонов, содержащих толкования и цитаты из Священного писания" (Бегунов 1976, с.273). К сожалению, в поле зрения ученого не попала содержательная работа В.П.Виноградова "Основной древнерусский пласт в составе "Торжественника" - поучения Кирилла, епископа Туровского" (Виноградов 1915а, с.97-178; в другом издании статья называется: "О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского" - Виноградов 1915б, с.313-392), в которой убедительно показано, что источником для написания "Слова на антипасху"явилась экзегетическая редакция "Слова в неделю новую и о мученике Маманте", созданная Никитой Ираклийским и широко бытовавшая в древнерусской рукописной традиции. ""Слово" Григория Кирилл читал в тексте толкования на него Никиты Ираклийского" (Виноградов 1915а, с.114) [24]. Это наблюдение представляется существенным для понимания характера и направленности творческой мысли древнерусского ритора.

При сопоставлении текстов выясняется, что из обширного и насыщенного разнообразной символикой "слова" Григория Назиан-

зина Кирилл "избирает" картину весенней природы, "подравнивает" её под библейский космологический ряд, убирая специфически греческие детали ("мореходов", "дельфина", "Омирова коня" и др.). А из комментария Никиты Ираклийского ритор заимствует форму построения риторико-экзегетических периодов (изъяснительный синтаксис тирад). При этом комментарии Кирилла Туровского либо не зависят от экзегетической редакции "Слова в неделю новую и о мученике Маманте" (по большей части близкой к натурфилософским объяснениям, подобным тем, что включались в "Шестодневы"), либо ощутимо развивают символическую образность источника. Никита Ираклийский повторяет образный строй "слова" Григория, не стремясь привнести какое-либо оригинальное содержание. В отличие от него, "русский Златоуст" создает мощный символико-историософский план, дополняет исходную канву прототипа. С этой целью Кирилл широко использует стилистические топосы ("лоци коммунес") средневековой книжности, последовательно интерпретируя их в историософском ключе. Во второй части тирад "весеннего экфразиса" "Слова на антипасху" ощутимо сказалось влияние средневековой экзегетической литературы. В толковых произведениях обнаруживаются многочисленные параллели практически к каждому образу комментария, созданного древнерусским писателем. Экзегетика настойчиво проводила историософскую идею необходимости приобщения варварских "языков" к мировой христианской цивилизации (смысловой лейтмотив "Слова на антипасху" Кирилла Туровского).

Для иллюстрации этих положений разберем несколько тирад "Слова на антипасху".

"НЫНЕ СОЛНЦЕ КРАСУЯСЯ К ВЫСОТЕ ВЪСХОДИТЬ И РАДУЯСЯ ЗЕМЛЮ ОГРЕВАЕТЬ". - Толкование: "ВЗИДЕ БО НАМ ОТ ГРОБА ПРАВЕДНОЕ СОЛНЦЕ ХРИСТОС И ВСЯ ВЕРУЮЩАЯ ЕМУ СПАСАЕТЬ" (ТОДРЛ,XIII,416). Параллельный текст из "слова" Григория Назианзина: "Ныне солнце высочее и златообразнее" (ГБ НИ,XIУв.,л.146об)- сопровожден пояснением Никиты Ираклийского: "Ныне солн^сце вышнее от смеренеиших и ужных на северныя полунощным частем к равноденьюближиться" (ГБ НИ,XIУв.,л.147).

Тирада Кирилла Туровского сопоставима с комментариями Толковой Псалтыри на образ "солнца праведного": "Восия солнце и

собрашеся. – Солнце праведное... Христос, въстав из мертвых, яко солнце, собра расточеныя в един совуз верныи мира" (Толк. на Пс.103,19,22.-ТПсАф.,№ 46,л.32); "Яко же жених украшен ис чертога исходит, тако и солнце... – Тако и Христос оболчен светом из мрътвых исходит. Яко же солнце всяко место просвещает, тако же и Христос всяко и души верных, теплоту и огнь духовныи подаст" (Толк.на Пс.18,6-7. – ТПсАф.,№ 334,л.32); "И изведе я ис тьмы и сени смертьныя. – Дондеже восия солнце правдьное, сиречь Христос" (Толк.на Пс.106,14.-ТПсАф.,№ 46,л.94), "С небесе бо въсия нам солнце праведное... просвети седящу в тьме – сиречь в неразумии" (Толк.на "Песнь Захарии" – Лк.1,78-79.-ТПсАф.,Ягич,730; см. также толкования на Пс.67,19; 71,5 и др.; ср.: "И въсьяет вам, боящимъся имени моего, солнце праведно и исцеление крилу его" – Малахия 4,2. – ТПр.,л.94).

"НЫНЯ НОВОРОЖАЕМИ АГНЬЦИ И УНЬЦИ БЫСТРО ПУТЬ ПЕРУЩЕ СКАЧЮТЬ..." – Толкование: "АГНЬЦА ГЛАГОЛЮ КРОТКИЯ ОТ ЯЗЫК ЛЮДИ... УЧИТЕЛИ ХРИСТОВА СТАДА О ВСЕХ МОЛЯЩЕСЯ ХРИСТА БОГА СЛАВЯТЬ, ВСЯ ВОЛКЫ И АГНЬЦА В ЕДИНО СТАДО СЪБРАВШАГО" (ТОДРЛ,XIII,416). Параллельный текст "слова" Григория Назианзина: "агньци играють у зелен нив" (ГБ НИ,XIУв.,л.146об),-Никита экзегетически никак не раскрывает: "агньци на зелене траве скачють" (ГБ НИ,XIУ в.,л.147). Возможно, тема "единого стада" навеяна Кириллу образом "Маманта-пастыря", пасущего люд "матерограда" из 26-го стиха "слова" Григория (помещен за описанием весны) (ГБ НИ,XIУ, л.148об). И все же основной источник образов комментария Кирилла Туровского иной – евангельская притча о "Добром Пастыре" ("И ины овьця имам, еже не суть от двора сего, и ты ми подобаеть привести, и глагола моего послушают, будет единo стадо и един пастырь" – Ин.10,14-16.-ТЕФ,XIУ-XУвв.,л.290об). Содержащееся в "пастушеской" тираде "Слова на антипасху" уподобление "стран" собираемым пастырем "овцам"относится к стилистическим топосам. Посредством символики "агнцев"средневековая экзегетическая традиция осмысливала идею "съ-пасения" языческих народов, идею "събора" человечества в "единое стадо": "языкы яко овца прият" (Толк.на Пс.77,52.-ТПсАф.,№ 334,л.172; ср.: Пс.99, 3; Мф.10,6; 15,24 и др.); "людие твои и овца пажити твоея – веровавше бо языци быша стадо Христово" (Толк.на Пс.78,13. –

ТПсАф.,№ 334,л.175об); "языци бо людие его быша стадо Христово... - овьца истиньнаго стада" (Толк.на Пс.94,7.-ТПсАф.,№ 46, л.39об; см.также: Толк.на Пс.23,3.-ТПсАф.,№ 334,л.40об; Толк. на Пс.76,21.-ТПсАф.,Ягич,370; Толк.на Пс.106,41.-ТПсФеод.,№ 331,л.195об; Толк.на Иса.55,67.-ТПр.,л.193об-194 и др.). Создавая образ "Христова стада", Кирилл говорит не только об "овцах", но и о "волках", о том, что деятельностью Доброго Пастыря собраны "ВСЯ ВОЛКЫ И АГНЬЦА В ЕДИНО СТАДО". Данную (историософски понятую) ассоциацию образов древнерусский писатель мог перенести в свое сочинение из Толковых Пророчеств. Символика: "волки и агньци напасутся вкупе" (Иса.65,25.-ТПр.,л.215; ср.: Иса.11,6; Иез.34,25,28), - в комментариях на "пророков" истолковывалась примерно так же, как и у Кирилла Туровского. (Ср.:"Се глаголеть о совокуплении верных, иже преже быша яко волци и лви и змия, по воплощеньи же Христове совокупишася с овцами стада Христова, и бысть едино стадо и един пастырь" (ТПр.,л. 215; ср. с символикой отказа от "зверского" "одержания идольского", от дикости "кумиробешенья" в Толк.на Пс.8,7-9.-ТПсНИ,л. 35; Толк.на Пс.103,20.-ТПсАф.,№ 46,л.69 и др.). Сходным в плане использования образности "Иса.65,25 - Иса.11,6" с разбираемым фрагментом "Слова на антипасху" является "Слово на воздвижение" Пандалея Пресвитера, в котором слова: "и пожирует волк с агньцами" - поняты как "знамение на языкох", отказавшихся от "прельсти" (Торж.,л.28-28об; см.также: ПГ,т.48,кол.822).

Сопоставительный анализ других тирад также показывает, что, используя экзегетический структурный принцип "образ - комментарии", Никита Ираклийский и Кирилл Туровский двигались в противоположных направлениях: первый упрощал, второй усложнял образы исходного текста.

Сложные образные конструкции, метафорико-синтаксическое "плетение словес" рассматриваемого отрывка "Слова на антипасху" Кирилла имеют соответствия в стилистике гимнографии. Сравним разработку символики "солнца праведного" в "слове" Кирилла ("взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся верующая ему спасаеть") и в литургических текстах: "Днесь въсья душам Христос яко солнце из гроба въсьяв тридневно, мрачъную зиму отгна грех наших" (ТрЦ.,XI-XIIвв.,л.68об); "Из гроба красно

правьдное нам въсья солнце" (ТрЦ.,XI-XIIвв.,л.56об); "правьдное солнце, всем жизнь въсьяющи" (ТрЦ.,XI-XIIвв.,л.56об), "незаходяи солнце", "правьдьное солнце мысльное", "словесьно солнце незаходимое" (ТрЦ.,XI-XIIвв.,л.53,71,89,91об,93об,97,100 об-101,128-128об,131,134об; ТрЦ.,XII-XIIIвв.,л.203об-204,207, 229об; ТрЦ.,XII-XIVвв.,л.69об и мн.др.). (Об "извитии словес" гимнографического типа в "словах" Кирилла Туровского см. подр.: Антонова 1981,с.224-227).

Экзегетико-гимнографическое рассмотрение образов пасторального "пейзажа" "Слова на антипасху" как бы расщепляет и дробит их вещественность, высвечивает в каждом из них определенный набор (комплекс) идейно-функциональных схем и представлений. За и над предметно-тематическим планом выстраивается иное, новое единство, возникающее на основе общности абстрактных значений элементов космологической схемы, ансамбля природно-космологических образов. Отмеченная общность значений системна - она зависит от определенных идейно-функциональных "парадигм", семантических топосов. Один из уровней семантики ораторской прозы Древней Руси, сочинений Кирилла Туровского рассмотрен в данной статье. Изучение поэтической семантики, связанной с "образом автора" (в его средневековой - над-личностной, им-персональной трактовке) на материале древнерусской книжности может быть продолжено и в аспекте описания системы традиционных книжных топосов, и в аспекте уяснения динамики, историко-литературной эволюции "образа автора" от эпохи к эпохе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. "Образ автора" был устойчиво "сцеплен" с жанрово-стилистической структурой текста. Каждому поджанру ораторской прозы было свойственно применение своих логических и художественных приемов, сюжетно-композиционных форм, тех или иных типов риторических тирад (ср.: Бегунов 1970,с.81).
2. Внимание авторов ораторских сочинений сосредоточено на внесюжетных, композиционных моментах реализации идейно-художественного замысла. Ослабленность "нарративного" начала приводило к тому, что текст распадался на ряд риторических тирад. Тира-

да (период) – это более или менее замкнутый в стилистическом отношении фрагмент изложения, который может охватывать несколько предложений (фраз) и представляет собой смысловое и ритмико-синтаксическое единство (Еремин 1966,с.133,139; Никольский 1903,с.181; Сазонова 1974,с.30–46).

3. "Слова" Кирилла "представляют собой лирически и часто драматически окрашенную похвалу празднику" (Гудзий 1938,с.92). Он любил "наделять библейские эпизоды диалогами священных лиц и картинами то в лирическом стиле, то в стиле иконописи" (Орлов 1945,с.62). "Драматизирующее" начало могло выражаться в форме диалогов и "прений" (Макарий 1857,I,с.100; Голубинский 1880, I,с.662–663; Никольский 1897,с.248–249; Истрин 1920,с.180; Сперанский 1920,с.309 и др.).

4. По вопросу о ритмико-синтаксической организации произведений ораторской прозы см.: Лихачев 1979,с.169–175; Сазонова 1974, с.30–46; Верещагин 1978,с.7–11; Мещерский 1978,с.43–44 и др..

5. Выражался в риторических дефинициях о "первопричине", в "антиномических" конструкциях, в вопросно-ответных, катехитических и т.д. структурах.

6. В таких предисловиях отразился гносеологический парадокс христианского Средневековья: необходимость познания того, что в принципе непознаваемо, необходимость говорить о "не-из-реченном" (см. подр.: Бычков 1977,с.124).

7. Греческое слово "космос" означало "нарядный порядок", "украшение мира" (Аверинцев 1977,с.84,с.262,прим.13; МНМ,II,с.341).

8. Это и топос архитектуры Древней Руси. См. символику "хвалы" в храмах Покрова на Нерли, Димитриевском (г.Владимир) (Воронин 1961; Вагнер 1969).

9. Тема "человека – царя природы" была характерна не только для византийской и южно-восточнославянских литератур. Она разрабатывалась также и западноевропейской книжностью. "Все вещи в мире созданы для человека, день и ночь работают на человека и постоянно служат ему" ("Естественная теология" Раймунда Сабунского. Ср.: "Весь этот мир – солнце, месяц и звезды; и четыре стихии – огонь, вода, воздух и земля; птицы в воздухе, рыбы в воде, звери в лесу, черви в земле, золото и драгоценные камни, плоды деревьев, – всё это создано на службу и на пользу челове-

ку" - вступление к "Швабскому зерцалу". - Эйкен I907,с.544).

I0. "Общее место" средневековой ораторской прозы - противопоставление несовершенной "мирской" жизни - природе. Например: ИЗл.,ПГ,т.48,кол.956; т.49,кол.43; т.56,кол.265-266; т.6I,кол. I96,787; т.63,кол.569.

II. К личностному "Все-держителю" "космос может иметь только личное отношение - а именно отношение покорности". Законосообразность мировых процессов понималась как послушание стихий, "как их монашеское смирение, их отказ от своеволия, их аскеза" (Аверинцев I977,с.84-85).

I2. См.:Азбукин I892-I898; Аничков I9I4,с.90-94; Буткевич I899; Фаминцын I894; Рыбаков I964; Трендафилов I984 и др.. Характерно, что в обширной полемической литературе против "латинян" космологическая образность почти не встречается (см.: Попов I875,I879; Павлов I878; Чельцов I878).

I3. Аверинцев I977,с.84; Бизе I890-I89I,с.I3; ФЭ III,с.I75-I76. Представление об язычестве как обоготворении "твари" вместо творца, закрепленное в христианской книжности текстом Рим.I,25 (Аничков I9I4,с.I8), появилось уже в Исх.20,4 и в Прем.I3,I-2 (ср.: Втор.4,I6-I9,23,25,28; 5,8;I7,3; 28,63; Пс.48,5; 57,5; 96,7; II3,I2-I6; II3,I2-I6; I34,I5-I9; Иса.2,I8; 40,I8-20; 44, 9-20; 46,5-7 и др.). Серапион Владимирский в 4-м поучении писал: идолы не "строять мир, дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять"(Серап.Владимирск.,с.II).

I4. Христианская символико-мифологическая образность была во многом типологична языческой, поскольку своими "корнями уходила в языческую древность" (Робинсон I980,с.I86,I89-I90). Сила славянских фольклорно-мифологических традиций была такова, что её испытывали даже писатели-проповедники, ревниво оберегавшие свои произведения от языческих влияний, - отмечает В.П.Аникин по поводу возможного использования символики "веснянок" в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского (Аникин I970,с.33).

I5. "Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет - мировая история" (Лихачев I97I,с.56; ср.: Блок I949,I988,с.6; Робинсон I976,с. 234; Гуревич I984,с.I03-I66).

Показательные примеры историософского мышления Древней Руси - "Речь философа", включенная в "Повесть временных лет" под 6494г., "Слово о законе и благодати" Илариона, митрополита Киевского (Громов, Козлов 1990,с.44-47,70-71).

16. Ср.: дидактико-эсхатологический и праздничный настрой произведений Серапиона Владимирского и Кирилла Туровского.

17. Например: потрясение вселенной при распятии Христа ("солнце померкло... небо облеклось во тьму... буря гнева, громы и молнии... земля потряслась, камни расселись, море бурлило, бездны разверзлись... реки, источники и заливы подвигнулись остановить свое течение" - ИЗл.,ПГ,т.62,кол.747,752), эсхатологические "зарисовки" Серапиона Владимирского ("в последняя лета будет знаменья в солнци и в луне, и в звездах, и труси по местом..." - Серап.Владимирск.,с.1,2. - Мф.24,7; Лк.21,25). См. подробн.: Сахаров 1879,с.215-216 .

18. "Ветхозаветная" ("синайская") часть символического описания природы в "Слове на вознесение" восходит к развитой библейской стилистической традиции (Исх.9,11-18; 24,17; 33,18-20; Втор.4, 11; 5,4-5 и др.), в частности, к Псалтыри, изобилующей грозными, "пострашающими" образами космологического типа (см.: Пс.17, 8-16.-ТПсФеод.,№ 331,л.26об-27; Пс.76,18.-ТПсФеод.,№ 331,л. 132об-133; Пс.96,2-5.-ТПсФеод.,№ 331,л.170об-171 и др.). Ср.: "Страхом бо его, рече пророк, движется земля, расседается камение, животная трепещють, горы курятся, светила раболепно служать, облаци и воздушная тварь повеленая творять" ("Притча о человеческой душе и телеси" Кирилла Туровского - ТОДРЛ,XII, 341).

19. Задача приобщения славянских народов к византийской образованности обусловила широкое распространение в южно-восточнославянской литературе экзегетических (толковательных) сочинений. К этому разряду книжности относились Шестодневы, Толковая Палея, толковые редакции Псалтыри, Пророчеств, Евангелий, Апостола, Апокалипсиса и др.. "Комментаторские" произведения включались в состав энциклопедических Изборников XI века (Изб. 1073 и Изб.1076), Изборника XIII века (Изб.XIIIв.). Библейские книги в Киевской Руси "обращались вместе с толкованиями на них"

(Архангельский 1899,с.191; Мансветов 1876,с.75-76).

20. Христос разоряет "преисподнии ада" ("разби смертьныи град" - "Слово о женах-мироносицах" - ТОДРЛ,XIII,424). В "словах" Кирилла Туровского тема "въполчения", брани, "бывшей на общего врага" (ТОДРЛ,ХУ,340), обычно оформляется в небольших по объему сегментах текста, составленных из стилистических клише. (Например, в "Слове на пасху" Кирилла Туровского - "батальные" зарисовки торжественно-церемониального "попрания" "твердынь ада": "врата адова скрушишася - верея сломишася до основания", "глава адова скрушена бысть и жало его притупися", "темница она распадеся" и пр. - ТОДРЛ,XIII,412-413; ср.: ТОДРЛ,XIII, 424 и др.). В средневековой ораторской прозе тема "сокрушения" и "преобразования" нижней части космоса иногда превращалась в развернутый драматизированный рассказ, охватывающий всё "слово" (см. "слова" на "воскресение Лазарево" Евсевия Александрийского, Епифания Кипрского, анонимное "Слово на Лазарево воскресение" древнерусского происхождения - Порфирьев 1890,с.42 и сл.; Рождественская 1970,1972).

21. Утверждение С.П.Шевырёва об оригинальности данного фрагмента (Шевырев 1884,с.143,прим.37) потребовало корректировки. По сути дела "Слово на вознесение" Кирилла Туровского "содержит поэтическое распространение читаемого в этот день Лк.24,36-53" (Буслаев 1881,с.87). Примеры аналогичной композиции и "драматизации" имелись в средневековой книжности (см.,напр., Толк.на Пс.23,7-10.-ТПсАф.,№ 334,л.41-41об).

22. "Модель мира" в средневековой книжности могла создаваться не только посредством образов космологического ряда (и его модификаций, "детализаций"). Наряду с символикой этого типа широко использовалась антропоморфная образность (Мочульский 1887, с.74-88; см.: 1Кор.11,3; Еф.4,15; Еф.5,23; Кол.1,18), символика "мирового древа" (ПБЭ,У,с.39-43; Иванов,Топоров 1965,с.79, 128-129; Мелетинский 1976,с.206,213-215 и др.), образы "дома - града - храма - горы" (МНМ,I,с.311) и др.. В каждом из таких образов мира отражены сходные элементы и параметры космического устройства, поэтому разные модели вселенной совмещаются друг с другом, изоморфны и изофункциональны (Топоров 1973,с. 115; Мелетинский 1976,с.213).

23. "Информационная универсальность и тематическая комплексность" многообразных идейно-тематических аспектов - объединяющая черта произведений разных жанров литературы Киевской Руси (Робинсон 1980,с.176). Характерную особенность древнерусской литературы и искусства - синтетичность, взаимопроникновение всех их частей - отразила в себе система литературно-символической образности. (Ср.: Вагнер 1974,с.34-35; Кусков 1981, с.8).

24. Текст "Слова в неделю новую" Григория Назианзина в древнеславянской письменности бытовал и в варианте без комментариев (см.: "Слово в новую неделю" Григория Богослова из "Сборника Михановича" - Мих.,л.143б-148а).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Аверинцев 1970 - Аверинцев С.С. Теизм // Философская энциклопедия. - М.,1970. - Т.5. - С.189-191.

Аверинцев 1972 - Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. - М., 1972. - С.42-45.

Аверинцев 1977 - Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. - М.,1977. - 320с.

Аверинцев 1987 - Аверинцев С.С. Мифы // Литературный энциклопедический словарь. - М.,1987. - С.222-225.

Адрианова-Перетц 1947 - Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. - М.;Л.,1947. - 184с.

Азбукин 1892-1888 - Азбукин П. Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе: (XI - XIVвв.) // Русский филологический вестник. - 1892-1898. - Т.33-39.

Аникин 1970 - Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзия. - М.,1970. - 122с.

Аничков 1914 - Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. - СПб., 1914.

Антонова 1981 - Антонова М.Ф. Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. - Л.,1981. - Т.XXXVI. - С.223-227.

Архангельский 1888 - Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Очерки и исследования. - СПб.,

1888. - I46с.

Архангельский I889-I890 - Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Извлечение из рукописей и опыты историко-литературных изучений: В 4 вып. - Казань, I889-I890.

Архангельский I898-I90I - Архангельский А.С. Образование и литература в Московском государстве пол.ХУ-ХУIIвв. - Казань, I898-I90I. - Вып.I-3. - 480с.

Баранкова I978 - Баранкова Г.С. Об астрономических и географических знаниях // Естественнонаучные представления Древней Руси. - М.,I978. - С.48-62.

Бегунов I970 - Бегунов Ю.К. Древнерусская ораторская проза как жанр: (К постановке вопроса) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. - Л.,I970. - С.75-85.

Бегунов I973 - Бегунов Ю.К. Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX-ХУIвв.: (К постановке вопроса) // Славянские литературы: УII Международный съезд славистов. Варшава,I973г. - М.,I973. - С.380-399.

Бегунов I976 - Бегунов Ю.К. Три описания весны: (Григорий Назианзин, Кирилл Туровский, Лев Аникита Филолог) // Зборник историје књижевности Српска академиа наука и уметности. Одељење језика и књижевности. - Београд,I976. - С.269-277.

Бизе I890-I89I - Бизе, Альфред. Историческое развитие чувства природы: Пер. с нем. // Русское богатство. - I890. - №№ 5-I2. - С.I-208; I89I. - №№ I-5. - С.209-39I.

Бицилли I9I9 - Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. - Одесса,I9I9. - I67с.

Блок I949 (I986) - Блок, Марк. Апология истории, или Ремесло историка. - 2-е изд. - М.,I986. - 256с.

Брюсова I977 - Брюсова В.Г. Толкование на IX притчу Соломона в Изборнике I073г. // Изборник Святослава I073г.: Сб.статей / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. - М.,I977. - С.292-306.

Буслаев I88I - Буслаев Ф.И. Русская хрестоматия. - 3-е изд. - М.,I88I. - II,447с.

Буткевич I899 - Буткевич Т. Литературная борьба с магометанством, язычеством и раввинизмом в средние века // Вера и разум. - I899. - № I. - С.I-22.

Бычков 1976 – Бычков В.В. Из истории византийской эстетики // Византийский временник. – М.,1976. – Вып.37. – С.160–191.

Бычков 1977 – Бычков В.В. Византийская эстетика: Теоретические проблемы. – М.,1977. – 199с.

Вагнер 1969 – Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси: XII век. Владимир. Боголюбово. – М.,1969. – 480с.

Вагнер 1974 – Вагнер Г.К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. – М.,1974. – 268с.,32л.илл..

Вагнер 1976 – Вагнер Г.К. О декосмологизации древнерусской символики // Культурное наследие Древней Руси. – М.,1976. – С.225–229.

Вадковский 1892 – Вадковский (Антоний). Из истории христианской проповеди. – СПб.,1892. – 456с.

Вайян 1950 – André Vaillant. Cyril de Turov et Gregoir de Nazianze//Revue des études slave. – Paris, 1950. – T. XXXVI. – P. 34–50.

Верещагин 1978 – Верещагин Е.М. К изучению семантики лексического фонда древнеславянского языка: Доклад на VIII Международном съезде славистов. – М.,1978. – 66с.

Веселовский 1880 – Веселовский А.Н. Св.Георгий в легенде, песне и обряде // СОРЯС. – 1880. – Т.21. – С.92–160.

Виноградов 1915а – Виноградов В.П. Основной древнерусский пласт в составе "Торжественника" – поучения Кирилла, епископа Туровского // Виноградов В.П. Уставные чтения. – Сергиев Посад, 1915. – Вып.3. – С.97–178.

Виноградов 1915б – Виноградов В.П. О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского // В память столетия МДА: Сб.статей. – Сергиев Посад,1915. – С.313–392.

Владимиров 1900 – Владимиров П.В. Древняя русская литература Киевского периода X–XIIIвв. – Киев,1900. – С.152–154.

Воронин 1961 – Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. – М.,1961. – Т.1. – 584с.

Гальковский 1913–1916 – Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. – М.;Харьков,1913–1916. – 398с.,308с..

Голубинский Е.Е.1880 – Голубинский Е.Е. История русской церкви. – М.,1880. – Т.1. – 1-я пол.т. – XXIV,795с.

Громов,Козлов 1990 – Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. – М.,1990. – 287с.

Гудзий 1938 - Гудзий Н.К. История древнерусской литературы. - М.,1938. - 452с.

Гудзий 1973 - Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе. - М.,1973. - 528с.

Гуревич 1984 - Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - 2-е изд. - М.,1984. - 350с.

Демин 1966 - Демин А.С. Наблюдения над пейзажем в "Житии" протопопа Аввакума // ТОДРЛ, - М.;Л.,1966. - Т.22. - С.402-406.

Еремин 1966 - Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Еремин И.П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). - М.;Л.,1966. - С.144-163.

Иванов,Топоров 1965 - Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. - М.,1965. - 246с.

Иванов,Топоров 1974 - Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. - М.,1974. - 342с.

Иванов,Топоров 1982 - Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира. - М.,1982. - Т.2. - С.450-456.

ИВЛ - История всемирной литературы: В 9 т. - М.,1984. - Т.2. - 672с.

ИКДР - История культуры Древней Руси: Домонгольский период. - М.;Л.,1951. - Т.2. - С.66-78.

Истрин 1922 - Истрин В.М. Очерк по истории древнерусской литературы домосковского периода: (11-13вв.) - Пг.,1922. -X,248с.

Караулов 1870 - Караулов Г. Очерки истории русской литературы. - 2-е изд. - Одесса,1870. - Т.1. - XIX,627с.

Келтуяла 1913 - Келтуяла В.Л. Курс истории русской литературы.- СПб.,1913. - Ч.1. - С.698-720.

Кессиди 1972 - Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. - М.,1972. - 312с.

Кирпичников 1879 - Кирпичников А.И. Св.Георгий и Егорий Храбрый. - СПб.,1879. - 193с.

КЛЭ - Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. - М.,1962-1978.

Кусков 1971 - Кусков В.В. Представление о прекрасном в древнерусской литературе // Проблемы теории и истории литературы. - М.,1971. - С.58-66.

Кусков 1980 - Кусков В.В. Историческая ретроспективная аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. - М.,1980. - С.39-43.

Кусков 1981 - Кусков В.В. Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI - первой пол.XIIIв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. - 1981. - № 1. - С.3-12.
Кусков 1982 - Кусков В.В. История древнерусской литературы. - 4-е изд. - М.,1982. - 296с.
Лихачев 1971 - Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы // Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность. - Л.,1971. - С.52-70.
Лихачев 1973 - Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVIIвв.: Эпохи и стили. - Л.,1973. - 254с.
Лихачев 1978 - Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л.,1978. - 359с.
Лихачев 1979 - Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы.- 3-е изд. - М.,1979. - 359с.
Лотман 1977 - Лотман Ю.М. "Звонячи в прадеднюю славу" // Уч. зап. Тартуского ун-та. - Тарту,1977. - Вып.414. - С.98-101.
ЛЭС - Литературный энциклопедический словарь. - М.,1987.-751с.
Майоров 1979 - Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. - М.,1979. - 431с.
Макарий 1857 - Макарий (Булгаков). История русской церкви. - СПб.,1857. - Т.3. - С.99-149, 307-326.
Малашкин 1946 - Малашкин Н.А. Эсхатология и мессионизм в последний период Римской империи // Известия АН СССР. Серия истории и философии. - 1946. - № 5. - С.441-450.
Мансветов 1876 - Мансветов И.Д. Очерки по истории просвещения и духовной литературы Древней Руси // Православное обозрение.- Москва,1876. - Т.III. - Вып.9. - С.33-94.
Мелетинский 1976 - Мелетинский Е.М. Поэтика мифа.-М.,1976.
Мещерский 1978 - Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XVвв. -Л.,1978.
Миллер 1865 - Миллер О.Ф. История русской словесности. - 2-е изд. - Б/м,1865. - С.297-300.
МНМ - Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. - М.,1980.
Мочульский 1887 - Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. - Варшава,1887. - 259с.
Наан 1964 - Наан Г. Космология //ФЭ. - М.,1964. - Т.3. - С.72.
Нестерова 1987 - Нестерова О.Е. Апокалипсис//ЛЭС.-М.,1987.-30.

Никольская 1928 – Никольская А.Б. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе: (Несколько описаний весны) //Сб.статей в честь А.И.Соболевского. – Л.,1928. – С.433-439.
Никольский 1892 – Никольский Н.К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XIIв. – СПб.,1892.-244с.
Никольский 1897 – Никольский Н.К. Лекции по гомилетике. – СПб.,1897. – 559с.
Никольский 1903 – Никольский Н.К. Гомилетика: Курс лекций. – СПб.,1903. – 412с.
Орлов 1945 – Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVII веков. – М.;Л.,1945. – 341с.
Павлов 1878 – Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян.-СПб.,1878.-216с.
Панченко 1976 – Панченко А.М. Некоторые эстетические постулаты в "Шестодневе" Иоанна Экзарха // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. – Л.,1976. – Т.I. – С.32-41.
ПБЭ – Православная богословская энциклопедия: В 12т. – СПб., 1900-1911.
ПВЛит.,IV-IXвв. – Памятники византийской литературы IV-IXвв./ Под ред. Л.А.Фрейберг. – М.,1968. – 355с.
Пономарев 1894 – Пономарев А.И. Св.Кирилл, епископ Туровский и его поучения // ПДРЦУЛ. – СПб.,1894. – Вып.I. – С.87-198.
Попов 1875 – Попов А.Н. Историко-литературный анализ древнерусских полемических сочинений против латинян: XI-XVвв. – М., VII,418.
Попов 1879 – Попов А.Н. Обличительные писания. – М.,1879.-53с.
Попов 1903 – Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. – СПб.,1903. – 412с.
Порфирьев 1876 – Порфирьев И.Я. История русской словесности. – 2-е изд. – Казань,1876. – 689с.
Порфирьев 1890 – Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. – СПб.,1890. – 471с.
Порфирьев 1909 – Порфирьев И.Я. История русской словесности. – Изд.8-е. – Казань,1909. – Ч.I. – 724с.
Порфирьев 1913 – Порфирьев И.Я. История русской словесности. – Казань,1913. – Ч.I. – С.98-101,400-403.

Прокофьев 1975 – Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVIIвв. // Литература Древней Руси: Сб.трудов МГПИ им.В.И.Ленина. – М., 1975. – Вып.I. – С.5–39.

Прокофьев 1976 – Прокофьев Н.И. К литературной эволюции весеннего пейзажа: (Кирилл Туровский, И.М.Катырев-Ростовский и В.К.Тредиаковский) // Новые черты в русской литературе и искусстве: XVII–нач.XVIIIвв. – М.,1976. – С.321–242.

Пропп 1946 – Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.,1946. – 340с.

Раббот 1960 – Раббот Б. Бог // ФЭ.–М.,1960.–Т.I.–С.175–176.

Робинсон 1976 – Робинсон А.Н. Стиль достоверности // Культурное наследие Древней Руси. – М.,1976. – С.230–234.

Робинсон 1980 – Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья: (XI–XIIIвв): Очерки литературно-исторической типологии. – М.,1980. – 336с.

Рождественская 1970 – Рождественская М.В. К литературной истории текста "Слова о Лазаревом воскресении" // ТОДРЛ. – Л., 1970. – Т.25. – С.47–59.

Рождественская 1972 – Рождественская М.В. О жанре "Слова о Лазаревом воскресении" // ТОДРЛ. – Л.,1972.–Т.27.–С.109–119.

Рыбаков 1964 – Рыбаков Б.А. Основные проблемы изучения славянского язычества. – М.,1964. – 9с.

Рыбаков 1981 – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1981. – 608с.

Рыбаков 1988 – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.,1988.

Сазонова 1974 – Сазонова Л.И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. – Л.,1974. – Т.28. – С.30–46.

Сахаров 1879 – Сахаров А.А. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и их влияние на народные духовные стихи. – Тула,1879. – 249с.

Сперанский 1920 – Сперанский М.Н. История древней русской литературы. – 3-е изд. – М.,1920. – Ч.I. – С.307–314.

Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам: В 3 т. – М.,1959.

Сухомлинов 1858 – Сухомлинов М.И. О сочинениях Кирилла Туровского // Рукописи графа А.С.Уварова. – СПб.,1858. – Т.2. – Вып.2. – 72,158с.
Топоров 1973 – Топоров В.Н. О космологических источниках ранне исторических описаний // Уч.зап. Тартуского ун-та. – Тарту, 1973. – Вып.308. – С.106–150.
Топоров 1982а – Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: М.,1982. – Т.2. – С.340.
Топоров 1982б – Топоров В.Н. Пространство // МНМ. – М.,1982. – Т.2. – С.161–166.
Трендафилов 1984 – Трендафилов Х.П. Полемическое наследие Константина Философа и его традиции в литературе Древней Руси. – М.,1984. – 25с.
Тренчени-Вальдпфель 1956 – Тренчени-Вальдпфель И. Гомер и Гесиод: Пер. с венгерск. – М.,1956. – 122с.
Фаминцын 1884 – Фаминцын А.С. Божества древних славян. – СПб., 1884. – Т.I. – 236,IIс.
ФЭ – Философская энциклопедия: В 5 т. – М.,1960–1970.
Чельцов 1879 – Чельцов М. Полемика между греками и латинянами в XI–XIIвв. – СПб.,1879. – II,405с.
Шарыпкин 1976 – Шарыпкин Д.М. Боян в "Слове о полку Игореве" и поэзия скальдов // ТОДРЛ. – Л.,1976. – Т.35. – С.14–22.
Шевырев 1884 – Шевырёв С.П. Лекции о русской литературе // СОРЯС. – СПб.,1884. – Т.33. – № 5. – 280с.
Эйкен 1907 – Эйкен, Генрих. История и система средневекового миросозерцания: Пер. с нем. – СПб.,1907. – 732с.
Эллигер 1975 – Elliger W. Die Darstellung der Landschaft in der griechischen Dichtung. – Berlin; New York, 1975. – 493 s.
Якобсон 1969 – Якобсон Р.О. Композиция и космология плача Ярославны // ТОДРЛ. – Л.,1969. – Т.24. – С.32–34.

Василий Великий 1911 – Василий Великий. Творения. – СПб., 1911. – Т.I. – 648с.
ГБ XIв. – "Слова (13) Григория Богослова". – ГПБ,Q.п.I.16. – Рус.,4°,377л. – XIв. – Изд.текста: Будилович А.С. XIII"слов" Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи XIв. – СПб.,1875. – XII,285с.
ГБ НИ XIVв. – "Григория Богослова 16 слов с толкованиями Ники-

ты Ираклийского, XIУв. – ГБЛ, ф.304, № 8. – Рус., I°. – 418л.

Златостр. – Златоструй и отрывок Торжественника, XIIв. – ГПБ, ф.560. – F.п.I.46. – Рус., I°, 198л.

Изб. – Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси / Сост. и общ.ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева.–М., 1969.–799с.

Изб.1073г. – "Изборник Святослава", 1073г. – ГИМ, Син.№ 31-д. – Рус., I°, 266л. – Изд.текста: Изборник Святослава 1073 года: Факсимильн. изд. – М., 1988. – Кн.I-2. – 266л., 79с..

Изб.1076 – "Изборник Святослава", 1076г. – ГПБ, Эрмит.20.–Рус., 4°, 277л. – Изд. текста: Изборник 1076 года / Изд. подгот. под ред С.И.Коткова. – М., 1965. – 1092с..

Изб.XIIIв. – Сборник, содержащий толкования на Священное писание. – ГПБ, Q.п.I.18 (Толст.). – Рус., 4°, 196л..

ИЗл., ПГ – Иоанн Златоуст. Творения. – Изд.текста: Migne J.-P. Patrologiae cursus completus: Series graeca.- Parisiis, 1857 - 1866. – T. 1 - 161.

ИЭкз., Богосл. – "Богословие" Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского. – ГИМ, Син. № 108. – Рус., I°, 210л. – Кон.XII-нач.XIIIв. – Изд.текста: Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1877. – Кн.4 (окт. – дек.). – 69,422с.

Кл.Рим. – Die apostolische Väter / F.H.Fink. - 2 Aufl. - Tübingen, 1906. – S. 44-45.

КО – Климент Охридски. Събрани съчинения: В 3т. – София, 1970-1977. – Т.I. – 777с.; Т.2. – 845с.

Мин.1095, сент.; Мин.1096, окт.; Мин.1097, ноя. – ЦГАДА, ф.381, №№ 84,89,91. – Изд.текста: Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 гг. // Памятники древнерусского языка. – СПб., 1886. – Вып.I. – CXXXVI, 609с., 6л.илл..

Мин., XI-XIIвв., янв. – Минея служебная, январь.–XI-XIIвв. – ЦГАДА, ф.381, № 100. – Рус., I°, 119л..

Мин., XII-XIУвв., янв. – Минея служебная, январь. – XII-XIУвв.– ЦГАДА, ф.381, № 100. – Рус., I°, 137л.

Мих. – "Сборник Михановича", XIIIв. – Изд.текста: Homiliar // Editiones monumentorum slavicorum veteris dialecti / R.Aitzetmüller. - Graz, 1957. – IV, 265s.

МСКТ – Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского / Изд. подгот. В.И.Григорович // Православный собеседник. - Казань,1857. – Отд.IУ. – С.212–260, 273–351.
Парем.Григ. – Паремийник Григоровича, к.XII-нач.XIIIвв. – ГБЛ, собр.Григоровича, № 2/М 1685. – Болг.,м.I^{0}, 104л. – Изд. текста: Брандт Р.Ф. Григоровичев Паремийник в сличении с другими паремийниками // ЧОИДР.-М.,1894-1901.-Ч.I-4.-308с.
ПДРЦУЛ – Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А.И.Пономарева. – СПб.,1894-1898. – Вып.I – 4.
Сб.Троиц.,№ 9 – Триодный четий сборник. – ГБЛ,ф.304, № 9. – Рус., м.4^{0}, 235л. – Кон.XIУ – нач.XУв..
Сб.Ягич.- Сборник Ягича, XIIIв. – ГПБ, ф.560. Q.I.п. № 56.
Серап.Владимирск. – Петухов Е.В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. – СПб.,1888. – Ч.XУII. – 276с..
ТАп.,№ II – Апостол с толкованиями, XУIв. – ГБЛ,ф.256, № II. – Рус.,I^{0}, 580л.
ТЕФ XIУ-XУвв. – Евангелие толковое Феофилакта Болгарского на Евангелие Матфея и Евангелие Иоанна. – ГБЛ, ф.304, № 110. – Рус.,I^{0}, 366л..
ТОДРЛ XII,XIII,XУ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т.XII, XIII,XУ. – Литературное наследие Кирилла Туровского: Тексты / Изд. подгот. И.П.Еремин. – М.;Л.,1956-1958. – Т.XII. – С.340-361; Т.XIII. – С.409–426; Т.XУ. – С.331-348.
Торж. – Торжественник общий, XУв. – Собр. ИИФиФ (г.Новосибирск) рукоп.коллекция., № 53/71. – Рус.,I^{0}, 562л.
ТПр. – Толковые Пророческие книги (Книги 16 пророк толковыя), 1489г. – ГБЛ, ф.304, № 90.
ТПсАф.,Ягич – Толковая Псалтырь Болонская, XIIIв. -Psalterium Bononiense / Ed. Vatroslav Jagić.- Vindobonae; Berolini; Petropoli, 1907.- XIX, 968 s.
ТПсАф.,№ 46 – Псалтырь с толкованиями Афанасия Александрийского, нач.XУв.-ГБЛ, ф.228, № 46 (М.481). – Рус.,4^{0}, 273л.
ТПсАф.,№ 334 – Псалтырь с толкованиями Афанасия Александрийского, к.XУв. – ГБЛ,ф.256, № 334. – Рус.I^{0}, 271л..
ТПсНИ – Псалтырь толковая, сост. Никитой Ираклийским (Пс.I-54) сер.XIУв. – ГБЛ,собр.МДА, Фунд.,№ 18. – Болг.,157л.
ТПсФеод.,XIв. – Псалтырь с толкованиями Феодорита Киррского

("Чудовская псалтырь"), XIв. - Изд. текста: Погорелов В.А. Чудовская Псалтырь XI века: Отрывок толкования Феодорита Кирркого на Псалтырь в древнеболгарском переводе // Памятники старославянского языка. - СПб.,1910. - Т.3. - Вып.I. - У, 276с, 2л.факс.. См.также: Погорелов В.А. Толкование Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе: Рассмотрение списков и исследование особенностей псалтырного текста. - Варшава,1910. - 237с.

ТПсФеод.,№ 331 - Псалтырь с толкованиями Феодорита Киррского, 1564г. - ГБЛ, ф.256, № 331. - Рус., I°, 334л.

Трефол.,ХУIв. - Трефолой, 1538г. - ГПНТБ (г.Новосибирск), Тихомировское собр., № 173. - Рус.,I°, 410л.

ТрПостн.,ХУIв. - Триодь постная, 1511г. - ГПНТБ (г.Новосибирск), Тихомировск. собр., № 301. - Рус., 4°, 357л.

ТрПЦ.,XII-XIIIвв. - Триодь постная и цветная, XII-XIIIвв. - ЦГАДА, ф.381, оп.I, № 137. - Рус., I°, 257л.

ТрЦ.,XI-XIIвв. - Триодь цветная, XI-XIIвв. - ЦГАДА, ф.381, № 138. - Рус.,I°, 173л.

ТрЦ.,XII-XIУвв. - Триодь цветная и Минея праздничная, XII-XIУ вв. - ЦГАДА, ф.381, № 139. - Рус., 8°, 207л.

Туницкий 1918 - Туницкий Н.Л. Книги XII малых пророк с толкованиями в древнеславянском переводе. - Сергиев Посад,1918. - Вып.I. - УIII,76с.

Усп. - "Успенский сборник", XII-XIIIвв. - ГИМ, Син.1063/4³. - Изд. текста: Успенский сборник XII - XIII вв. / Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон; под ред. С.И.Коткова. - М.,1971. - 754с.,7л.факс..

Физиолог - Физиолог / Подгот. текста, перевод и комментарии О.А.Белобровой // Памятники литературы Древней Руси: XIIIв. - С.474-485. См.также: Карнеев А.Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. - СПб.:ОЛДП,1890. - Т.XCII. - 463с.

ФПеч. - Поучения Феодосия Печерского. Изд. текста: Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. - М.;Л., 1947. - Т.У. - С.147-184.

Шест. - "Шестоднев" Иоанна Экзарха Болгарского, 1263г. - Изд. текста: Шестоднев, составленный Иоанном, Ексархом Болгарским / По хартейному списку Моск. Синод. б-ки 1263г. слово в слово и буква в букву // ЧОИДР. - М.,1879. - Кн.3. - ХХУI,536с..

ПРИЛОЖЕНИЕ

"Космологический топос": мифопоэтические истоки средневекового "образа мира".

Древнерусская литература (как и культура Средневековья в целом) вобрала в себя своеобразно трансформированные мифопоэтические представления о природе, питалась истоками языческой и библейско-христианской мифологии [I]. В основе описаний природы полагались мифолого-космологические представления и схемы [2].

I. Религия, искусство, литература, политическая идеология и прочие формы общественного сознания Средневековья прочно удерживали "ряд мифологических моделей, своеобразно переосмысленных при включении в новые структуры" (Аверинцев 1987,с.222; МНМ II,с.I6I-I62,603), устойчиво воспроизводили архаичные представления о природе и мироздании.

О связи миросозерцания Древней Руси с фольклорно-мифологическими традициями славян см.: Робинсон 1980; Рыбаков 198I, 1988.

2. В культурах европейского Средневековья параллельно существовали два типа воззрений на природу, которые можно условно обозначить как аристотелевско-птоломеевский и мифолого-символический (библейско-космографический) (Аверинцев 1982,с.598, 603; Баранкова 1978,с.62; Топоров 1982,с.I6I-I66 и др.). Мифолого-символическая космография была широко представлена в литературных произведениях Древней Руси.

Космологические структуры "небо – земля – подземный мир" (трехуровневые) и "небо – солнце – луна – звезды – горы – земля – деревья – травы – животные – человек – море – реки – преисподняя" (многоуровневые) возникли в глубокой древности в результате попыток человека представить мир как определенным образом организованное и упорядоченное целое, как Космос, пришедший на смену изначальной бесформенности Хаоса (Наан 1964, с.72; Топоров 1982а, с.I62; Мелетинский 1976,с.I6I-I7I и др.).

Космологические схемы, занимающие одно из центральных мест в мифологических текстах, постулируют модель мира по вертикали и горизонтали (МНМ II,с.6,I6I-I64).

Центральный образ предисловия Кирилла Туровского к "Слову о расслабленном": "НЕИЗМЕРЬНА НЕБЕСНАЯ ВЫСОТА, НИ ИСПЫТАНА ПРЕИСПОДНЯЯ ГЛУБИНА, НИЖЕ СВЕДОМО БОЖИЯ СМОТРЕНИЯ ТАИНЬСТВО..." (ТОДРЛ,ХУ,331), - Ф.И.Буслаев соотносил с зачином былины "Соловей Будимирович", известной по сборнику "Российских стихотворений" Кирши Данилова: "Высота ли, высота поднебесная, глубота ли, глубота - акиян-море, широко раздолье по всей земли" (Буслаев 1861,кол.374,1462). Данное сопоставление книжного и фольклорного текстов вполне оправдано, поскольку в обоих случаях нашло сходное отражение характерное для миросозерцания Древней Руси представление о вселенной как о некоторой трехчастной структуре: "небо - земля - преисподняя". В "словах" и "притчах" Кирилла Туровского эта космологическая схема встречается множество раз (часто в усеченном варианте "небо - земля", "небо - подземный мир"; в предисловии к "Слову о расслабленном" Кирилла опущено среднее звено - "земля")[3].

Символика "космологического" вступления к "Слову о расслабленном" находит продолжение в основной части этого произведения - в тираде о служении человеку "солнца - луны - облацев - земли - травы - деревьев - рек - пустынь - зверей" (ТОДРЛ;ХУ,333). Такая же многоуровневая, сложная космологическая схема положена Кириллом Туровским в основу картины весенней природы "Слова на антипасху" ("небеса - солнце - луна - ветер - деревья - земля - трава - стада - нивы - реки - пчелы - птицы"): "НЫНЕ НЕБЕСА ПРОСВЕТИШАСЯ, ТЕМНЫХ ОБЛАК ЯКО ВРЕТИЩА СЪВЬЛЕКЪШЕ, И СВЕТЛЫМЬ ВЪЗДУХОМЬ СЛАВУ ГОСПОДНЮ ИСПОВЕДАЮТЬ...

---

3. Трехчленная "космологическая вертикаль" отражена во многих мифопоэтических традициях, в том числе и в славянской (МНМ II, с.10; Иванов,Топоров 1982,с.450-456; Рыбаков 1981,с.192-208, 462-463). Тройное деление по вертикали изображений "Збручского идола" - древнеславянская космограмма (ИКДР II,с.415; Иванов, Топоров 1974,с.24; Вагнер 1974,с.70). Архаичная трихотомия вселенной отражена в древнерусских заговорах (Попов 1903,№ 23). С трехуровневой "моделью мира" связана образность и композиция ряда сказок (Пропп 1946,с.193-194,гл.8). Космологические формулы этого типа встречаются в былинах ("Соловей Будимирович", "Вольга и Микула Селянинович" и др.), в "Слове о полку Игореве" (Шарыпкин 1976,с.18; Якобсон 1969,с.33).

НЫНЕ СОЛНЦЕ КРАСУЯСЯ К ВЫСОТЕ ВЪСХОДИТЬ И РАДУЯСЯ ЗЕМЛЮ ОГРЕВАЕТЬ... НЫНЯ ЛУНА С ВЫШНЯГО СЪСТУПИВШИ СТЕПЕНИ БОЛШЕМУ СВЕТИЛУ ЧЕСТЬ ПОДАВАЕТЬ... ВЕТРИ ТИХО ПОВЕВАЮЩЕ ПЛОДЫ ГОБЬЗУЮТЬ... ЗЕМЛЯ СЕМЕНА ПИТАЮЩИ ЗЕЛЕНУЮ ТРАВУ РАЖАЕТЬ... АГНЬЦИ И УНЬЦИ БЫСТРО ПУТЬ ПЕРУЩЕ СКАЧЮТЬ... ДРЕВА ЛЕТОРАСЛИ ИСПУЩАЮТЬ... РАТАИ СЛОВА СЛОВЕСНЫЯ УНЬЦА К ДУХОВНОМУ ЯРМУ ПРИВОДЯЩЕ... РЕКИ АПОСТОЛСКИЯ НАВОДНЯЮТЬСЯ, И ЯЗЫЧНЫЯ РЫБЫ ПЛОД ПУЩАЮТЬ... МНИШЬСКАГО ОБРАЗА ТРУДОЛЮБИВАЯ БЧЕЛА... ДОБРОГЛАСНЫЯ ПТИЦА" (ТОДРЛ,XIII,416-417).

В работах исследователей мифологии продемонстрирована типологическая общность подобных космологических структур и формул для ряда фольклорно-мифологических памятников (Топоров 1973,с.106-150; Иванов,Топоров 1965,с.99-102,113; Мелетинский 1976,с.207; Вагнер 1974,с.70,167 и др.). В развернутом виде указанные структуры нашли воплощение, например, в апокрифической "Беседе трех святителей" и в духовных стихах ("Голубиная книга") (Мочульский 1887,с.61-71).

Космологическая образность "Слова на антипасху" Кирилла Туровского имеет параллели в весеннем обрядовом фольклоре славян. Принявшего на себя атрибуты языческого солнечного божества "Егория - Юрия - Георгия" народная фантазия наделила функцией отмыкания "ключом" неба, земли, птиц и т.д., которое способствует наступлению весны (Веселовский 1880,с.92-104; Фаминцын 1884,с.305-312; Кирпичников 1879,с.145,153). В "веснянках" эта функция связана с образом "пчелы" (Иванов,Топоров 1965,с.125-127). О возможном влиянии "веснянок" на символико-космологическую картину весны в "Слове на антипасху" Кирилла говорил М.И.Сухомлинов (Сухомлинов 1858,с.40; см. также: Владимиров 1901,с.158; Аникин 1970,с.33).

Тем не менее, стремясь показать мир как возрожденное весной гармоническое целое, Кирилл Туровский ориентировался прежде всего на книжную традицию. М.И.Сухомлинов обратил внимание на то, что космологический эскиз "Слова на антипасху" во многом зависит от "Слова в неделю новую и о мученике Маманте" Григория Назианзина (ПГ,т.36,кол.617-620) (Сухомлинов 1858, с.29-36). Следует отметить, что аналогичная номенклатура образов имеется и в ряде других ораторских сочинений, бытовавших в Древней Руси, например, во включенном в состав "Торжественника" "Слове на рождество Богородицы" Иоанна Дамаскина (Торж.,

I3об-20). Наличествует она и в греко-византийских источниках. Так, в "Беседе на IКор.I9-20" Климента Римского перед духовным взором читателя развертывается грандиозное зрелище "небес колеблемых", "дней и ночей, сменяющих друг друга", "солнца", "луны", "хоровода звезд", "земли, в положенные сроки произведящей обильную пищу людям и зверям", "чреды ветров", "беспредельных морей и неисследимых бездн", "птиц", "малейших из живых существ" (Кл.Рим.,с.44-45). Обширное описание такого рода можно встретить в "Слове на пасху (УI)" Иоанна Златоуста (ПГ,т.58,кол.736-737).

Обращаясь к структуре образов "слова" Григория Назианзина, древнерусский ритор не мог не видеть в ней одну из "филиаций" традиционной космологической символики средневековья - сходный порядок образов был характерен для широко представленных в книжности Древней Руси произведений из состава Библии (I-я глава "Книги Бытия"; см.также: Втор.33,I3-I6; Иов.5,4; 9,5; II,5-9; 26,5-I4; 28,I2-28; 36,26-33; Пс.8,4-I0; I7,I-I7; I8,I-7; 23,I-3; 28,3-I0; 32,6-9; 64,6-I4; 68,35; 73,I2-I7; 84,I2-I3; 94,4-5; 97,3-9; I03; I06,23-40; I35,5-9; I48; Иса.I,2,29-30; 2,I3-20; 8,22;I4,7-8; 24,I8-20,23; 34,I4; 40; 4I,I-5; 42,5; 44,23; 45, 6-8,I2-I3,I8; 48,I3-I4; 49,I3; 5I,6,I6; 54,9-II; 55,9-I3; Дан. 3,54-90 и др.).

Описания природы, подобные картинам весны "Слова в неделю новую и о мученике Маманте" Григория Назианзина или "Слова на антипасху" Кирилла Туровского, возникли в ранневизантийской литературе в результате взаимодействия библейской и античной литературных традиций. Космологическое видение мира было свойственно не только Библии, но и древнегреческим "Теогонии" Гесиода (о сходстве "Теогонии" и "Книги Бытия" см.: Тренчени-Вальдпфель I956,с.62) и "Илиаде" Гомера (Кессиди I972,с.87), буколической стилистике эллинизма (Эллигер I975) и сотериологии поздней античности (Малашкин I946,с.44I-460).

Космологическая символика нашла многократное отражение в произведениях различных жанров книжности греко-славянского Востока, в литературной топике "прелестного места" (Бегунов I97[illegible]). Схематизированные описания природы, положенные в основу картин весеннего обновления, бытовали не только в литературах византийско-славянского региона, но также и в словесности западноевропейской (Буслаев I86I,I,с.87-88; Мочульский I887,с.7[illegible]-7[illegible]).